

Александр Лидин

Запах смерти

*Часть сборника
Запах смерти (сборник)*

Александр Лидин

Запах смерти

«Точинов Виктор»

2004

Лидин А.

Запах смерти / А. Лидин — «Точинов Виктор», 2004

Они живут среди нас – прикоснувшиеся к запредельным знаниям древних, поставившие себя по ту сторону Добра и Зла, ступившие на путь искусства, обретшие нечеловеческие возможности и переставшие быть людьми. Легко сделать первый шаг по этому пути, трудно остановиться, почти невозможно повернуть назад. Но самое страшное ждет тех, кто все-таки найдет в себе силы сделать это, сумеет вырваться из кругов ада и вновь стать обычным человеком. Ибо нижний мир не прощает измены. Александр Лидин – специалист запредельных жанров: психоделической прозы, литературы ужасов...

© Лидин А., 2004

© Точинов Виктор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Лидин

Запах смерти

Если вам надоел этот мир, попробуйте заглянуть в другой, или, по меньшей мере, посмотрите на этот, но под другим углом зрения.

Ф. Дик

С благодарностью моим учителям ужасного, которых, увы, я никогда не знал лично: Говарду Филипу Лафкрафту, Клайву Баркеру, Брайну Ламли и Ричарду Лайману.

Всякие совпадения в портретах героев с реально существующими людьми – чистая случайность.

Автор

Глава 1

Путь Запаха

*Этим мечом я убил уже шестьдесят или семьдесят человек...
Головы этих негодяев я сварил и съел. Вкусом они очень напоминали свиные или бараньи головы.*

Чжан Цисян, «Братья Бай и фехтовальщик»

Он был убийцей. Он чувствовал Запах Смерти. Сладковатый, манящий, ставший для него чем-то вроде наркотика. Убийца знал его с детства. В погоне за Запахом он стал Жаждущим...

Впервые он почувствовал Запах на далеком юге. Родители решили провести отдых на море и взяли его с собой. Тогда ему было шесть лет. С той поры он сначала подспудно, а потом осознанно стремился вдохнуть этот запах, понимая, что именно в Запахе Смерти сокрыт смысл его жизни...

* * *

Крым. Севастополь. Жаркий август.

Его еще не зовут Жаждущим. Ему всего шесть лет.

Бирюзовое море вздымает валы белой пены. Огромные волны обрушиваются на пустынный пляж. Нешадно палит солнце.

Водоросли зеленой полосой вытянулись вдоль берега. По водорослям идет мальчик. Он вдыхает терпкий запах гниения. Ему нравится ступать босыми ногами по мягкой, уже начавшей разлагаться массе. Вокруг роятся мухи. Сотни мух. Тысячи мух. Мухи тоже любят Запах Смерти, но мальчик не знает этого. Он играет. Он идет по зеленой полосе, протянувшейся вдоль берега. Взрослые, сидящие и лежащие в отдалении, не обращают на него внимания. Они загорают. Они не чувствуют Запаха Смерти, который манит мальчика; не видят его источник, спрятанный под водорослями.

Мальчик тоже не видит его. Но он чувствует Запах. Смерть притягивает, как магнит. С каждым шагом мальчик все ближе и ближе. Полной грудью вдыхает он воздух, пропитывая Запахом свои легкие.

Высоко в небе над его головой кружат чайки. Они парят, широко разбросав белоснежные крылья, и громко кричат. Они предупреждают: «Не ходи туда, мальчик. Там смерть!» Но мальчик не понимает языка птиц. Их усилия напрасны. Крики сливаются с шумом прибоя, тонут в шепоте волн.

Неожиданно мальчик наступает на что-то скользкое, гладкое, покрытое слизью. Вот он – источник Запаха. Мальчик убирает ногу. Он отступает. Может, это какая-то рыба, выброшенная морем? Нет. Если и рыба, то очень большая. Мальчик садится на корточки. Осторожно начинает разгребать зеленые пожухлые ленты водорослей.

Мухи. Сколько тут мух! Все звуки мира заглушило жужжание крылатой армады. Но мальчик не обращает на него внимания. Ему интересно: что же он нашел?

Выглянувший из-под водорослей круглый глаз дельфина уставился на мальчика. Существо, запутавшееся в зеленых лентах, выброшенное на сушу, еще живо. Протянув руку, мальчик касается черной спины. Он чувствует, как трепещет тело морского зверя, балансирующего на грани жизни и смерти. От дельфина исходит Запах.

Проведя рукой по телу дельфина, мальчик сдвигает часть водорослей. Открывается огромная рубленая рана. След винта? Развороченная серая кожа. Розовое трепещущее мясо. Крови мало. Морская вода смыла кровь. В ране копошатся насекомые. Они уже начали поедать еще живую плоть. Как и мальчика, их привлек Запах Смерти. Глаз умирающего дельфина уставился на ребенка. Завороженно смотрит мальчик на рану, облепленную насекомыми. Убаюкивающе гудят мухи. Запах Смерти пленил душу ребенка. Мальчик тянется вперед. Его пальчики робко касаются измочаленного мяса, медленно двигаются между жуками, сороконожками, мухами, слизнями и муравьями. Малыш чувствует, как от нажима его руки по телу дельфина проходит волна трепета. Теперь рука его стала красной. Медленно подносит он к лицу окровавленные пальцы. Красная тягучая струйка стекает по руке к локтю. Срывается вниз тяжелая темная капля.

Где-то далеко раздается крик:

– Павлик! Что ты там делаешь? Немедленно иди сюда!

Это кричит его мать, но мальчик не слышит. Он вглядывается в рану, нюхает кровь. Запах Смерти. Сладковатый и приторный, пьянящий и манящий.

Запах Смерти!

– Павлик!

Родители, пляж, море – другой мир. В мире мальчика остаются лишь водоросли, мухи и умирающий дельфин. Снова погружает он руку в пульсирующую рану.

Кто-то хватается мальчика за плечо.

– Павлик!.. Боже! Что ты делаешь?!

Мать хватается его. Тащит прочь. Мальчик отбивается, плачет. Ему так хорошо было в мире Смерти. Так приятен был Запах.

Причитания матери.

Мальчику насильно моют руки в соленой морской воде. Он рыдает, а возвращаясь домой, на квартиру, которую они снимают у противной толстой тетки, нюхает свой мизинец. Там, в уголке, под ногтем осталась частичка крови. Мальчик вдыхает едва уловимый запах крови – жалкое воспоминание о Запахе Смерти. Он счастлив. Он понимает, что впервые в жизни соприкоснулся с чем-то великим, вечным...

* * *

Море. Мертвый дельфин. Запах Смерти.

Жаждающий запомнил их навсегда. Они послужили первым камнем, первой ступенью лестницы Искусства, по которой он поднялся.

В детстве он часто вспоминал Запах Смерти, но только в одиннадцать лет смог снова насладиться им.

* * *

Декабрь. Вечер. Ветер.

Ноги скользят по мертвой, заиндевевшей земле.

Одиннадцатилетний мальчик с приятелем идет по пустырю, разделяющему два микро-района. Мальчики идут вдоль шоссе. Сзади огни – дома. Впереди огни – дома. Между ними царство тьмы – хаос ломаных бетонных плит и строительного мусора. Лениво, большими хлопьями падает снег.

Мальчики идут не спеша. Не торопятся. Они говорят о каких-то своих важных мальчишеских делах.

Какая-то темная фигура бредет по противоположной стороне дороги навстречу мальчикам. Старик. По виду – бомж. Что занесло его сюда в столь поздний час? Старик кутается в рваное пальто, пытается спастись от порывов холодного балтийского ветра. Мимо проносятся машины. Там, в теплых, ярко освещенных салонах, сидят счастливые люди – те, кому улыбнулась удача в жизни. Бомж с завистью глядит вслед машинам.

Почему он решил перейти улицу? Что толкнуло его на этот роковой шаг?

Старик направляется к мальчикам. Может, он хочет попросить у них немного мелочи? Дети милосерднее взрослых.

Ему тяжело идти. Ноги в стоптанных башмаках скользят по ледяной корке. Но старик решительно выходит на проезжую часть.

Визг тормозов. Ослепительный блеск фар. Страшный удар.

На противоположной стороне улицы мальчики, застыв, словно замороженные, смотрят, как тело летит по воздуху. Со страшным хрустом врезается оно в нагромождение бетонных плит – надолбы современных строек.

Все происходит безмолвно. Старик молчит. Единственный аккомпанемент – визг тормозов.

Машина, сбившая старика, вначале притормозив, уносится во тьму. Мальчики стоят, пораженные нереальностью происходящего.

Сквозь завывания ветра до них доносится предсмертный хрип старика:

– *Помогите!*

Тот мальчик, что постарше, поворачивается к приятелю. Даже в тусклых отблесках далеких фонарей видно, какое бледное у него лицо. Губы его дрожат. Запинаясь, заглушая хрип старика, он говорит:

– Пашка, посмотри, что с ним... Я быстро!.. Я сейчас!.. Надо вызвать милицию, «скорую»...

Он поворачивается и бежит, спотыкаясь, назад, туда, откуда они только что пришли.

Его приятель остается один с умирающим стариком. Мимо проносятся машины.

Снежинки. Мальчик прищуривается. *Может, это зимние мухи, а не снежинки? Большие белые мухи?* Мальчик делает шаг вперед. Еще один. Он двигается с трудом. Движения заторможены. Ему кажется, что он снова видит давно забытый сон... Пляж... Море... Водоросли... Мухи...

Старик лежит на плитах лицом вверх, разбросав руки. Темный ручеек вытекает у него из-под затылка. Лицо – кровавая бесформенная маска. Сквозь разорванную плоть щек сверкают обломки зубов.

Запах Смерти.

Мальчик вдыхает его полной грудью вместе с холодным воздухом. Запах Смерти! Он пьянит. Мухи-снежинки кружатся вокруг. Они тоже чувствуют этот запах.

Старик хрипит. Пузыри окровавленной слюны вздуваются у него на губах.

От старика пахнет гнилью, мочой – козлий запах немывтого тела. Но вонь затушевывает, перекрывает Запах Смерти.

Мальчик протягивает руку, касается бороды старика, грязных, сальных волос. Медленно проводит пальцем до уголка рта. Мажет палец в тягучей кровавой слюне.

Запах Смерти сопровождают мухи-снежинки. Они, кружась, садятся на лицо старика и, тая, забирают тепло, поедают последние капли жизни, еще оставшиеся в изломанном теле. Насекомые – спутники Смерти.

Мальчик подносит к носу палец, измазанный кровью старика. словно наркоман, вдыхает Запах Смерти.

Еще Запах Смерти должны сопровождать хрипы и стоны. Это мальчик тоже понимает. Лишь существа, медленно поднимающиеся к вершинам Смерти, порождают Запах.

Идет время.

Мальчик сидит возле старика. То и дело окунает он пальцы в окровавленную слюну, скапливающуюся в уголках рта умирающего, и нюхает, нюхает. Тело старика постепенно заносит снегом. Миллионы белых мух садятся на него, засыпая ноги, руки, грудь белым саваном. От тающего снега вокруг лица образуется ледяная корка.

Постепенно стоны старика становятся все тише и тише.

Когда мальчик понимает, что старик уже мертв, он встает и отходит к дороге. Запах Смерти ушел. Теперь от старика пахнет мертвым телом. Еще долго стоит мальчик, нюхая свои пальцы. Мимо проносятся машины – равнодушные создания из металла и стекла – выходцы из другого мира, обитатели иной вселенной.

Потом появляются машина «скорой помощи» и милицейский «газик». Труп увозят. Мальчика о чем-то спрашивают, но он не отвечает. Запах, на какое-то время ставший для него главной целью в жизни, исчез...

* * *

Как Жаждающий начал убивать? Кто пал первым от его руки? Шестилетний малыш, решивший, что он уже большой. Сколько тогда лет было Жаждающему? Пятнадцать. Где все это случилось? На чердаке пятиэтажного дома. Как пришел Жаждающий к Смерти?

Он прошел долгий путь Искусства. С одиннадцати лет он мечтал снова почувствовать Запах. С одиннадцати лет мечтал ощутить под рукой трепет умирающей плоти. Он не сразу пришел к убийству человека. Кошки и собаки стали его первыми жертвами. Мальчик искал Запах Смерти, но не находил. Вспоров живот собаке, он часами копался в ее внутренностях, но не находил Запаха. Запах исходил только от высших существ; тех, кто стоит на лестнице эволюции чуть ниже человека. Дельфин. Обезьяна. Слон.

Отчаявшись, вечерами он едва не сходил с ума. Так иногда в его возрасте – возрасте полового созревания – мечтают о женщине. А он мечтал о том, чтобы найти умирающего человека, снова вдохнуть Запах Смерти. Часами бродил он возле реанимационного корпуса районной больницы. Его прогнал, надавав по шее, сторож.

И наконец, в возрасте пятнадцати лет, он преступил черту. Стал убийцей.

* * *

Май. Уже лето, но нужно еще ходить в школу.

Лучше школы – сидеть на чердаке собственного дома, читать Фенимора Купера или Майн Рида, плевать в потолок, следить, как бегают по пыльному чердаку солнечные зайчики.

В тот день он прогуливал уроки. Сидел на чердаке. Тут было много мух. Под их жужжание он предавался мечтам. Воспоминание о Запахе Смерти и недосыгаемость его будоражили воображение.

Малолетки, воспользовавшись тем, что замок на двери, ведущей на крышу, сломан, играли там в войну. Запретное манило и их, но на своем пути они не зашли так далеко, как Жажущий. Им не дано было познать Запаха Смерти и Искусства.

Их крики раздражали Жажущего. Он уже привык свысока смотреть на людей, которые его окружали, на своих сверстников. Они-то ведь не знали, что такое Запах Смерти.

Шорох шагов. Жужжание потревоженных мух. Светловолосый мальчик пробирается по чердаку среди хлама и высохших экскрементов. В руке у него водяной пистолет. Пальцы малыша крепко сжимают игрушечное оружие. Малыш ищет, где бы спрятаться.

Наверху играют в военные прятки. Серьезная игра. На кого попало водой – тот убит.

Малыш чувствует себя настоящим разведчиком. Тут пустой чердак. Кругом опасность.

Пятнадцатилетний подросток, спрятавшись за старым механизмом лифта, весь сжался. Кто-то не отвез изношенный механизм на свалку, бросил прямо на чердаке рядом с его новым двойником. С крыши доносятся радостные крики воюющих.

Малыш с пистолетом медленно идет вперед. Жажущий весь подобрался. Он наготове, еще не сознавая, что собирается делать. Малыш обходит огромную зловонную кучу дерьма, с которой роями взвиваются большие черные мухи. Они тоже чувствуют приближение Смерти. Шаг. Еще шаг. Теперь малыш уже на краю трехметрового бетонного стакана. Снизу торчат стальные прутья ржавой арматуры. Сбоку лестница – скобы в бетоне.

Откуда взялся этот стакан? Ошибка в проекте? Недосмотр строителей?

Малыш застыл на краю. Он осторожно заглядывает вниз.

«Надо отучить эту мелюзгу совать нос куда не надо», – думает Жажущий. На лице его играет злая ухмылка. С криком выскакивает он из укрытия. Испуганный малыш оборачивается, на мгновение застывает на краю ямы, балансирует. Убийца изо всех сил толкает его. *Вниз! В яму!* Малыш словно замирает в воздухе, размахивая руками. Он испуганно кричит. Но кто услышит его крик? Его приятели сражаются наверху, поливая друг друга грязной водой из луж.

Жажущий бросается к скобам лестницы. Руки его дрожат. Ноги не попадают на скобы. «Только бы он не умер! Только бы опять почувствовать Запах!» Жажущего бьет дрожь предвкушения. Его знобит. Снова Смерть рядом. Он не думает о малыше, его интересует только Запах.

Запах Смерти.

На дне бетонного стакана темно. Тут полно грязи, мух. Облака мух. Паренек с радостью приветствует их. Это – друзья. Союзники.

Жажущий останавливается. Его глаза после полумрака чердака медленно привыкают к темноте бетонного стакана. Наконец ему удается разглядеть у противоположной стены трепещущее тело.

Еще жив!

Осторожно, стараясь не ступить в темную грязь, пробирается Жажущий к своей жертве. Ступишь в грязь – останутся следы. Следы – милиция. С милицией он в свои пятнадцать лет никогда не сталкивался, но инстинктивно боялся ее.

Он пробирается в облаке мух среди металлических стержней арматуры, которые торчат из бетонного пола. Они грязные, ржавые... *И Запах!* Запах Смерти встречает его.

Жажущий останавливается над крохотным тельцем. Какой же он все-таки маленький, этот мальчик!

Медленно вытягивает Жаждающий руку, проводит по лицу малыша. Пальцы чувствуют влагу. Малыш еще жив. Он беззвучно плачет. Черный прут торчит из его живота, проколов белоснежную майку. Черное пятно крови.

Рука убийцы касается стержня. Малыш как бабочка на булавке. Его тело не касается земли. Жаждающий раскачивает стержень. Качается тело. Малыш стонет. Запах становится сильнее. Еще раз. Новая волна запаха. В мозгу убийцы рождается новая ассоциативная связь: *мухи-боль-смерть-запах*.

Жаждающий раскачивает стержень. Малыш не может кричать. Тихо и беззвучно плача, расстается шестилетний ребенок с жизнью. Рядом с ним, упиваясь, стоит его убийца. Запах Смерти. Жужжание мух. Для убийцы это – суть, смысл жизни.

– Мама, – с трудом выдыхает малыш.

Но Жаждающий не слышит его. Он опьянен.

Постепенно запах становится все слабее. Малыш умер. Жаждающий останавливает качающийся прут. Даже не взглянув на труп, он уходит. Труп остается мухам. Это – их добыча.

Уже наверху Жаждающий замечает, что его штаны намокли. Неужели он описался? Жаждающий расстегивает ремень. Приспускает штаны с трусами. Густая белая жидкость на трусах. Комки белой слизи. Впервые в жизни он кончил, *стал мужчиной*.

Еще долго сидит он возле бетонного стакана, вслушиваясь в жужжание мух.

На улице начинает темнеть. Пора домой.

Медленно подходит он к узкому чердачному окну, выглядывает на улицу. Внизу по двору мечется женщина в красной кофте.

– Вы не видели моего Алешу?

Жаждающий улыбается. Он видел Алешу, он знает, где этот шестилетний недоумок.

Жаждающий отворачивается от окна. Что-то черное на полу. Водяной пистолет. Удар ноги. Пистолет, описав в воздухе дугу, летит вслед за хозяином. Жаждающий улыбается. Долго мамаша будет искать своего малыша. А что будет делать он?

Убивать! Снова и снова убивать. Он стискивает кулаки, чувствует, как стальная пружина распрямляется у него в штанах. Снова и снова убивать! Губы его кривятся. Ноздри раздуваются.

Запах Смерти.

* * *

Смерть, Запах Смерти, половое удовлетворение – все слилось для него воедино. Поставить человека на грань между жизнью и смертью, дать ему медленно соскользнуть в черную пропасть небытия...

Почувствовав себя убийцей, он понял, что ему необходимо оружие. Пистолет? Нет. Нож! Финка? Нет. За финку могли арестовать. Оружие должно быть одновременно удобным, небольшим и смертоносным. Долгие бессонные ночи ломал голову Жаждающий. Наконец ответ подвернулся сам собой. Скальпель хирурга. Он нашел скальпель в инструментах отца. Острый, как бритва. Отец обычно точил скальпелем карандаши. Убийца переложил скальпель в свой школьный пенал.

Вторая жертва?

У нее были рыжие волосы. Веснушки. Она была некрасива, училась вместе с ним в выпускном классе. Почему она влюбилась в Жаждущего? Трудно сказать. Видимо, уже тогда было в нем нечто необычное, выдающееся.

Она поверила Жаждущему, пошла за ним. А он? Тогда он любил лишь Запах. Запах Смерти.

* * *

Стоял промозглый сентябрь. Прошло всего четыре месяца. Четыре месяца назад в результате несчастного случая на чердаке их дома погиб шестилетний ребенок. Родители Жажущего уехали на дачу с ночевкой, вот он и пригласил к себе эту рыжую воблу. Как она была счастлива! Ее звали Вика. Она явилась в нарядном платье. Он купил шампанское. Торт. Инстинктивно подбирал нужные слова, был галантен.

На улице моросил дождь. В квартире было сумрачно. Они зажгли свечи. Огоньки заиграла в рыжих волосах гостья. Как весело и беззаботно она смеялась. Она была счастлива! Жажущий подсознательно понимал, что если человек перед смертью счастлив, то Запах будет сильней.

Они целовались. Как они целовались! Каким нежным и трепетным был ее язычок. Тихо пела «Абба».

Он стал медленно раздевать свою гостью. Та была покорна. Несколько раз Жажущий путался в хитроумных застежках ее нарядов. Наконец ему удалось раздеть ее. Широко разведя ей ноги, он взял ее одним могучим ударом. Совокупление длилось больше часа, но он так и не кончил, лишь измучил девушку, действуя грубо, оставляя синяки на ее груди и бедрах. Но она была счастлива и не замечала его грубости, не чувствовала боли. Счастье затуманило ее рассудок.

Позже, едва переводя дыхание, он упал на ковер. Девушка пошла в ванную. Вот тогда Жажущий вспомнил о скальпеле. Улыбнувшись, он заставил себя подняться. Ноги его дрожали от напряжения, руки тряслись. Едва не порезавшись, он выхватил из пенала свое оружие, ударом ноги выбил замок в ванной.

Девушка стояла к нему спиной. Он грубо схватил ее, рывком развернул и полоснул по горлу. Тело девушки выгнулось. С губ ее сорвался сдавленный крик. Жажущий наносил один удар за другим, изо всех сил вгоняя маленькое четырехсантиметровое острие в живот жертвы... Чуть повыше пупка... Чуть пониже... Чуть повыше...

Раны были смертельными, но не приносили немедленной Смерти. Из-за рассеченного горла девушка не могла кричать. Медленно сползла она по кафельной стене. Глаза ее были широко открыты, губы слабо шевелились.

– *За что, Пашенька?* – такими были ее последние слова.

А он наносил все новые раны. Брызгами разлеталась кровь. Из глаз девушки выкатилась слеза – последняя слеза в ее жизни.

Убийца замер, запрокинул голову, застыл над распростертым в ванне телом. Ноздри его раздулись, лицо расплылось в улыбке наслаждения, он вдыхал Запах Смерти. Наконец из горла его вырвался сдавленный хрип. Член его задергался и исторг на лицо уже мертвой девушки струю пахучей белой слизи. Жажущий наслаждался, чувствуя капли чужой крови на своем теле, вдыхая запах – Запах Смерти.

Уже потом, анализируя свое первое серьезное убийство, он понял, что совершил ряд ошибок. Насколько острее было бы ощущение, если бы он перерезал ей горло, когда был в ней.

Но тогда у него еще не хватало опыта.

Когда Запах Смерти рассеялся, Жажущий пришел в себя. На руках у него оказался труп. Своим родителям Вика сказала, что пойдет с подругами в кино. Никто не знал, что она у него в гостях. Надо было избавиться от трупа, уничтожить все следы.

Жажущий взглянул на часы. Десять вечера. Родители приедут с дачи самое раннее завтра в двенадцать. У него четырнадцать часов на то, чтобы замести все следы. Целиком ему труп не вынести. Нужно расчленить тело. Еще нужны полиэтиленовые пакеты. Много пакетов.

Первое, что он сделал, – пустил воду и смыл кровь со стен ванны. Второе – принес полиэтиленовые пакеты и нож, которым его мать разделявала мясо. Единственное, чего ему не хватало, – мух. Мухи – спутники Смерти. Тогда он включил лампу со световодами, какие обычно стоят в барах. Световоды вращались. По стенам, по потолку, по темной полировке мебели побежали разноцветные огоньки. Световые мухи. Они закружились в хороводе. Мухи. Теперь Жаждающий успокоился. Раз мухи с ним, ему все удастся. Лампа гудела – жужжание встревоженных насекомых.

Расчлененное мертвое тело.

Труднее всего было выворачивать кости из суставов, перерезая сухожилия. Но Жаждающий с успехом справился и с этой задачей. Разложить мясо по пакетам... В отдельный пакет были спрятаны вещи девушки. Жаждающий торопился, но едва успел закончить к утру.

Достав большую сумку, он сложил туда часть мяса. Вошло меньше половины. «Придется сделать две ходки», – решил он.

Похоронил он свою «возлюбленную» недалеко от дома. Закопал мясо на стройке в щебенку, приготовленную под заливку бетоном.

Он зря торопился. Родители приехали только в восемь вечера. К тому времени квартира, а особенно ванная, были убраны.

В понедельник в школу заходил участковый, расспрашивал о Вике, а после школы Жаждающий зашел на стройку. Он долго любовался бетонной могилой.

В тот же вечер, лежа в ванной в горячей воде – почти кипятке, Жаждающий вспоминал все детали происшедшего в субботу. Его член встал. Несколько плавных движений рукой, и Жаждающий кончил. Перед глазами его стояла картина: *расчлененное окровавленное тело. Бесформенные куски плоти, увенчанные сосками – ее груди. Ванна, наполненная кровью. Мельтешение разноцветных точек – световых мух.* Он не вспоминал то, как трахался с девушкой. Он вспоминал, как кончал на ее истекающее кровью тело...

* * *

Так он стал Жаждающим. Он убивал.

Родители считали его прилежным мальчиком. Он почти на «отлично» закончил школу, поступил в медицинский институт. Больше всего он хотел работать в реанимации. Его привлекал процесс Смерти. Запах Смерти. Без него Жаждающий не смог бы жить.

Он убивал раз в два-три месяца. В основном это были случайные люди. И ни один из них не умер сразу. Пять-десять минут между первым ударом скальпеля и последним вздохом жертвы. Именно эти пять-десять минут Жаждающий жил *настоящей жизнью*. Полной грудью вдыхал он Запах Смерти.

Милиция? Да не боялся он их! Он всегда нападал на незнакомых людей, интуитивно выдергивая их из толп, снующих на улицах. Проще всего было с девушками. *Знакомство-постель-смерть*. Только тогда он получал удовлетворение. Запах и трепещущее под ним в агонии тело вызывали семяизвержение. Труднее всего было прятать тела, но через год он уже отлично знал географию строек города. Правда, случались и накладки. Один раз, заманив на стройку мальчишку, Жаждающий вынул член раньше, чем достал скальпель. Жертва вырвалась, сбежала, приняв Жаждающего за гомосексуалиста. Да, его искала милиция. Они даже нашли несколько расчлененных трупов, но Жаждающий считал себя художником, ни разу не повторял узор порезов и полагал, что милиция никогда не сможет его поймать, потому что не сумеет связать убийства и понять, что они дело рук одного человека, хотя всякий раз оружие убийства оставалось тем же самым.

А потом он встретил *ее*.

* * *

Была осень. Но не дождливая, пасмурная осень, а Осень Света. Листья красно-желтой аппликацией лежали на граните набережной, напротив Соловьевского садика. Именно там, у Академии художеств, он и встретил ее. Какой была она? Какая разница. Просто, увидев ее, Жаждающий сразу понял: «Это она!»

Он подошел к ней и познакомился. Ее звали прозаично – Светлана. Они долго говорили. О всяком говорили. Жаждающий был достаточно образован, отлично ориентировался в узком культурном слое, где, строя из себя эстетов, копошилась молодежь, получившая высшее образование. Цигун и Шри Ауробиндо, Феллини и Сокуров, Кортасар и Булгаков – все смешалось в едином калейдоскопе самодовольства и попыток изобразить понимание. Он был таким же, как все, и единственное, что отличало его, – познание Запаха. Девушка сразу почувствовала в Жаждающем нечто иное, выделяющее его из аморфного человеческого стада.

Павел заинтересовал ее. Она дала ему свой телефон и даже позволила проводить до дому. И он не убил ее. Не смог. Несколько отработанных приемов... и он снова ощутил бы Запах, но в этой девушке он почувствовал что-то особенное. Она осталась жить.

Через два дня он позвонил ей, и они снова встретились, прогулялись по путанице садиков и узких улочек, раскинувшихся вокруг Марсова поля. Прошли мимо белокаменно-мертвых, еще не укрытых на зиму статуй Летнего сада. Они опять долго говорили ни о чем.

Они стали друзьями.

Долгими ночами, еще не сознавая, что влюблена, Светлана думала о Жаждающем, пытаясь определить для себя черту, выделяющую ее нового знакомого из общей массы. Глаза. Его взгляд. В нем скрывалась боль... или желание? Похоть? Нет, это не плотское желание. Что-то иное, ускользающее, что не в силах определить простым смертным, но что отличает палачей от обычных людей.

Через два месяца, когда бушующий ледяной ветер превратил город в царство Снежной королевы, Светлана пришла к нему в гости. Они сидели дома у Жаждающего, пили жасминовый чай, говорили о дзен-буддизме и джазе. Наступил вечер. Выключив верхний свет, Жаждающий пустил по комнате световых мух. Нет, он не хотел убивать свою гостью, но мухи, они были необходимы ему...

* * *

Желтый свет лампы делал кожу Светланы матовой.

– Еще налей!

Она протянула Жаждающему хрустальный бокал, и полутьма обратила ее пальцы в произведение искусства мастера восковых фигур. Ликер «Polag». Клюквенный рай. Вторая бутылка.

Булькающая в утолщении горлышка, полилась тягучая, липкая жидкость. Словно кровь. Булькающая кровь в перерезанном горле бутылки. Алкоголь. Смачивая кончик языка в жгучем сиропе, Жаждающий впитывал алкоголь. Запах отошел на второй план.

Он любовался своей гостьей. За окном завывала вьюга. Пробиваясь сквозь белую тьму, натужно гудели машины. Но Жаждающий не слышал этого... Тихое гудение лампы. Световые мухи, скользкие по укутанным тенями стенам.

Как получилось, что они оказались рядом на диване? Жаждающий не знал. Может, на какое-то мгновение ему и захотелось отступить, сжать скальпель в ладони. Скальпель – единственный реальный кусочек металла в этом призрачном мире скользких теней. Но нет. Мгновение... и желание прошло. Рука Светланы легла на его бедро.

– Ты так напряжен. Расслабься.

И он позволил себе расслабиться. Позволил Жажде Запаха отступить. Закутался в саван истомы. Когда Светлана потянулась к его ширинке...

Год назад он разделил этот диван с другой девушкой. Жажущий помнил, как трепетал ее вскинутый к потолку зад под ударами его тела. Какой мягкой казалась ее плоть в его сведенных конвульсией пальцах.

Но видение растаяло. Нежность сменила грубую похоть. Его ватные пальцы играли в волосах Светланы, склонившейся над его промежностью. На несколько мгновений, когда семя уже готово было вырваться из него, Жажущий напрягся. Пальцы сжались. Впились в волосы девушки. Состояние Нирваны пришло раньше, чем была выпита последняя капля терпкого напитка его плоти.

Во второй раз, уже лежа на белоснежных простынях в жарких объятиях Светланы, чувствуя, как, смешавшись, их пот стекает по телам, впитываясь в накрахмаленную ткань, Жажущий понял, что в его жизни наступил некий перелом. Та его часть, что противилась Смерти, постепенно брала верх над наркоманом, готовым продать душу дьяволу ради Запаха.

«Что же будет дальше?» – думал Жажущий. – Мне придется ей все рассказать? Нет! Я не могу рассказать ей об этом. Я потеряю ее».

Любил ли ее Жажущий? Его чувство нельзя было назвать любовью. Страсть. Да, пожалуй, именно животная страсть вырвала его из оков Жажды. Природное естество, возобладавшее над взлелеянным дефектом сознания.

«Что же будет дальше?» – этот вопрос в ту – первую – ночь превратился для Жажущего в навязчивую идею. Но он не знал ответа.

Они не стали расписываться. Просто на следующий день Светлана переехала к нему. Первые дни она ходила по квартире голой. Они трахались каждые два-три часа, спали урывками. Естественные инстинкты закреплялись в разуме Жажущего, отгесняли неестественные желания Убийцы на второй план.

Потом и он, и Светлана устали. Их жизнь постепенно входила в обычное русло. Убийца снова почувствовал Жажду. Неутолимое желание ощутить Запах Смерти, почувствовать под пальцами трепет угасающей жизни.

* * *

Светлану он убить не мог. Сама мысль об этом казалась ему кощунством. Секс – ощущение того, как его семя стекает в ее пылающую плоть, заглушало Запах. Но Жажущий понимал, что долго так не выдержит. Рано или поздно он выйдет на улицу со скальпелем – единственным символом его Силы, окруженный роем мух – единственных друзей, которым он доверял свои самые потаенные мысли.

А потом Жажущий осознал собственную тривиальность. Долгое время, пожалуй, с того момента, как он убил свою одноклассницу, Жажущий бессознательно мнил себя единственным в своем роде. Неким злым гением, чья уникальность скрыта от окружающих. Но радость обычных плотских наслаждений подсказала ему, что во многом он схож с другими людьми, просто у него особый дар (если это дар, а не проклятье), и тогда ему вспомнился один случай.

* * *

Смоленское кладбище. Неухоженные тропинки, заросшие дикой малиной. Огромные, приторно сладкие ягоды. Пустынные извилистые тропинки среди могил.

Рядом с ним юноша. Явно голубой. Жажущий подцепил его случайно.

Пара томных взглядов в кафе «Поганка». Пара слов. Вранье о том, что живет по ту сторону зеленого приюта мертвых.

И вот они идут по тропинке. Тихо скрипит гравий. Высоко над головой поют птицы. Спутник Жаждущего о чем-то лопочет, смеется. Он то и дело останавливается. Срывает ягоды. Ест. Красный сок, словно кровь похороненных тут мертвых, окрашивает его губы.

Рука Жаждущего крепко сжимает скальпель. Холодный металл. Жаждущему кажется, что металл трепещет. Словно ожив от предвкушения крови, сам рвется впитаться в живую плоть.

Жажущий осторожно берет голубого за руку. Несколько шагов, чтобы сойти с тропинки. Вот она – маленькая полянка среди могил, которую он присмотрел заранее. Голубой жметя к своему спутнику. Жажущий обнимает парня. Потом, чуть отстранившись, снимает рубашку и майку.

Нет, Жаждущему чужды мысли о ласках мужчины. Но ни капли крови не должно быть на рубашке. Штаны Жаждущего из специальной ткани. Кровь не намочит их.

Голубой тоже разделся по пояс. Он трется своим безволосым телом о волосатую грудь Жаждущего. Его запах – запах потного мужчины – отвратителен. Одно движение. Скальпель, как живой, сам выскакивает из кармана. Он тянет за собой сжимающую его руку. Направляет движение. *Удар.*

Удар не простой. Широкий надрез, вскрывающий стенку брюшины. Сжатая кисть Жаждущего вслед за разящим клинком скальпеля уходит в тело жертвы. Голубой замер. Он не кричит. Глаза его выпучились. Окровавленный соком рот скривился, с полуоткрытых губ капает слюна. Он не понимает, не может поверить в то, что происходит с ним.

А Жажущий выпустил скальпель. Растопырив пальцы в животе жертвы, раздвинув ими трепещущие внутренности, он вдыхает Запах...

Дальше все просто. Жажущий вымылся. Бидон с водой он накануне спрятал в кустах. Убрал труп голубого в чей-то гроб, вскрытый временем. Задвинул каменную крышку.

Жажущий никогда бы не вспомнил об этом случае, если бы, вернувшись через три дня, не обнаружил, что каменную крышку гроба сдвигали.

Жажущий всегда возвращался к могилам своих жертв, чтобы взглянуть на них, проверить, все ли в порядке.

Обнаружив, что его жертву кто-то нашел, Жажущий вначале перепугался. Он испугался не чего-то конкретного, даже не разоблачения. Страх – реакция на неожиданность. Ноги Жаждущего подогнулись, и он едва не упал. Но постепенно адреналин отхлынул. Заговорил разум. Могли ли сдвинуть плиту бродячие собаки? Нет. Милиция? Может быть. Если так, то они должны были забрать труп. Для этого они бы вызвали машины, нагнали сюда экспертов. Кусты вокруг поляны стояли нерушимой стеной. Если бы труп нашла милиция, они бы все здесь переломали. Дети? Может быть. Но как дети смогли сдвинуть каменную плиту?

И тогда Жажущий сделал то, чего никогда не делал раньше. Он решил взглянуть, есть ли в могиле труп. Если труп на месте, то ему не о чем беспокоиться. Даже если его кто-то и нашел, этот человек по каким-то соображениям не пошел в милицию.

После убийства, прежде чем закрыть гроб, Жажущий уложил парня на спину, скрестил руки у него на груди. Через год внешне этот труп стал бы похож на скелеты, лежащие в соседних гробах. Когда же Жажущий снова открыл гроб, парень лежал на спине. Он был совершенно голым, и с задней части его тела было срезано мясо. Нет, не отгрызено, а именно срезано. Чувствуя слабость в ногах и руках от новой волны адреналина, Жажущий закрыл гроб.

В тот день он напился. По-настоящему напился. И уже ночью, склонившись над тазиком, выплескивая содержимое желудка на эмалированный металл, он старался забыть о том, что увидел на кладбище.

* * *

Может быть, нить рассуждений Жаждущего кому-то покажется странной. Не отрицаю. Но человек, находящийся в тисках между природной страстью и наркотическим желанием, порой выбирает странные пути, хватается за соломинку.

Через несколько лет случившееся на Смоленском кладбище снова всплыло в сознании Жаждущего. И тогда он решил, что не одинок, что есть еще люди, идущие по извилистой пути недозволенного, и если найти их... Может быть, у них есть лекарство. Может, они знают способ сойти с Пути Смерти? Слабая надежда. Жажущий понимал это. Но пока он знал лишь один способ заглушить Жажду Запаха Смерти – секс. Однако со временем желание ослабевает. Ему нужны были все время новые ощущения, способные отвлечь бессознательное стремление к привычному наслаждению.

* * *

Последним событием, подтолкнувшим его к поиску лекарства от Жажды, стала «ломка». Живя со Светланой, Жажущий сдерживал себя. Он не хотел больше убивать. Запах? Да, запах манил, но то человеческое, что долго дремало в глубине его души, постепенно проступало наружу. Раньше люди виделись ему в основном как источники Запаха – закупоренные бутылки, которые можно открыть и выпить...

Он сидел за столом и в свете настольной лампы перечитывал карточку одного из своих больных. Светлана спала на тахте у него за спиной.

Неожиданно Жаждущему судорогой свело живот. Волна безумной, тупой боли накатила и отхлынула. Жажущий не мог ничего сказать. Тело его напряглось, руки сжались в конвульсии, выгнулись клешнями ревматика; на лбу проступил пот. Еще не понимая, что с ним, он приготовился встретить новую волну боли, но она не приходила. А потом он почувствовал... нет, не Запах, след Запаха, какой обычно витает в морге и палатах реанимации – запах живого человека, которого можно убить. И этот запах шел откуда-то сзади... от тахты, на которой спала Светлана.

Пальцы Жаждущего начали сжиматься и разжиматься, но он не замечал этого. В несколько мгновений куча медицинских карточек и результаты анализов, которые он собирался просмотреть за вечер, обернулись горой рваной, скомканной бумаги.

Жажущим овладели несколько навязчивых мыслей. Самая первая и самая сильная: «Не думай ни о чем. У тебя есть единственный друг – скальпель. Достань этот маленький кусочек металла. Он ведь продолжение твоей руки. Символ твоей профессии. Достань его, и все встанет на свои места, когда острое лезвие окунется в кучу мяса, развалившегося на твоей кровати». Но пытаясь перебить основную тему партитуры, у него в голове тут же зазвучали слова любви. Любовь versus Жажда.

Снова волна нестерпимой боли прокатилась по его телу.

Ты только возьми скальпель. И он сам подарит тебе Запах. Ты снова оплывешь по волнам блаженства.

Нет!

Перед глазами Жаждущего встало лицо его первой жертвы – некрасивой веснушчатой девчонки. Открытые выпученные глаза. Лицо, забрызганное кровью и его семенем.

Новая волна боли. А за ней еще и еще.

На мгновение Жаждущему показалось, что это не лицо той школьницы (теперь он даже ее имени вспомнить не мог), а лицо Светланы. Это она смотрит на него остекленевшими глазами.

Это по ее щекам стекает белая слизь и темная кровь. Это от нее исходит нестерпимо манящий Запах...

Нет!

Жаждущего трясло. Одежда на нем насквозь промокла. Пальцы побелели, судорожно впившись в стол. И все это происходило беззвучно. Дикая боль. Судороги. И тихий голосок скальпеля, звучащий где-то внутри черепа. Голосок, который был порождением фантазии Жаждущего.

– Мой друг, возьми меня. Снова мы пройдем райскими тропами Смерти. Обретем былое единство. Нырнем в омут наслаждения... Я продолжение тебя, как твой член. Разве ты можешь меня бросить? Разве ты позволишь мне мучаться от Жажды?

Но тело Жаждущего еще помнило ласки той, что лежала на тахте; помнило нежные прикосновения ее рук... Он понимал, что может схватить скальпель, убежать на улицу, убить кого-то. Но тогда его могут схватить. Он попадет. И как он посмотрит после этого в глаза Светлане? Что случится, если она узнает о его Жажде?

Он ее потеряет!

Постепенно волны боли стали стихать. Жаждущему удалось расслабиться. Пальцы разжались. Скальпель со звоном упал на полированный стол, но Светлана не проснулась. Она так и не узнала, каких мук стоила Жаждущему ее жизнь.

Наконец, собрав достаточно сил, оставляя на полу мокрые следы (его одежду в буквальном смысле можно было выжимать), Жаждущий прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало. Сколько длился приступ? Минут пять. Эти пять минут показались ему веками. И его тело! Он потерял много жидкости. За пять минут Жаждущий осунулся – заострились скулы, ввалились глаза. И тут он почувствовал, насколько сильно хочет пить.

Сорвав с себя одежду и выкрутив до предела ручку крана, Жаждущий нырнул под струю холодной воды и застыл, широко открыв рот навстречу потоку, ловя каждую ледяную каплю. Он не чувствовал обжигающих холодом прикосновений воды. Он хотел напиться.

Дверь ванной открылась.

На пороге стояла Светлана. Увидев Жаждущего, она бросилась к крану, стала закручивать воду, потом обняла его холодное, посиневшее, покрытое гусяной кожей мурашек тело; прижала к себе, согревая своим теплом.

– Ну что ты, глупенький, – с нежностью, словно маленькому ребенку, выговаривала она. – Ты чего, заболеть захотел? Совсем дурной!

Глава 2

Путь колдовства

Мне было предназначено стать небожителем – теперь срок настал, меня зовут к себе.

Гэ Хуна. «Жизнеописание святых и бессмертных»

Что бы не писали газеты, не диктовало общественное мнение, Колдуны существовали, существуют и будут существовать в любую эпоху. Я имею в виду Колдунов с большой буквы, а не всяких там экстрасенсов-шарлатанов, которыми наводнена наша жизнь.

Революции, мировые войны, торжествующая философия материализма, одержавшая победу во всем мире... и черное Искусство забыли. Люди сделали из него смешного клоуна. Некромантия оказалась не в почете. За рубежом по телевидению и на страницах газет всевозможные мистификаторы и лжепророки до пены спорили о белой и черной магии, не подозревая, что Искусство может быть только одного цвета – *черного*. Издательства печатали книги с именами демонов, но лишь отдельным талантам, людям, обладающим артистизмом души, удавалось заглянуть в бездонные глубины Искусства и, не сойдя с ума, принять наследие разумных существ, населявших нашу планету задолго до появления человека – существ, чье естество было иным. Но именно из-за чуждого людям восприятия культурных ценностей Искусство и было черным. Не могло оно быть никаким другим!

Викториан осознал это не сразу. Если говорить честно, то звали его просто Виктором, но когда однажды кто-то из знакомых назвал его Викторианом, он принял это имя. Витиеватостью и древностью такая интерпретация его имени вознесла его от простого «победителя» в иную плоскость; придала ему ореол таинственности и неповторимости, как рука великого художника может узором придать неповторимость простой глиняной вазе.

Путь Искусства... Путь Колдовства... Как вступил на него Викториан? В отличие от судьбы Жажущего, путь Викториана сокрыт от меня. И как я подозреваю, он был менее эмоционален. Как выглядел Викториан – в прошлом известный начинающий художник, хотя так и не ставший знаменитостью выставочных павильонов; подающий надежды инженер, так и не закончивший аспирантуру? Когда мы познакомились, он носил клочковатую густую бороду, которая по мере погружения Викториана в черные бездны Искусства стала скрывать Зло (нечеловечность).

С Жажущим дорога Викториана впервые пересеклась на Смоленском кладбище. Викториан из-за кустов увидел Жажущего и его «голубого» спутника. Он сразу понял, что перед ним не просто человек, а человек, имеющий отношение к Искусству. Колдун знал, что многие от рождения обладают частицей Искусства и порой используют его, не придавая тому значения, ничем не выделяясь из будничной, серой повседневности.

Увидев Жажущего, Викториан замер. Он хотел видеть все. Там, в зарослях малины, должно было произойти действо Искусства. А любые крохи Искусства, любые, пусть бессознательные его проявления, интересовали Викториана. Случайные действия Искусства манили его, потому что врожденные таланты, как знал он из колдовских книг, порой бывали очень необычны.

Он видел смерть «голубого»; видел, как рука Жажущего утонула в теле; как затрепетали его ноздри, вдыхая Запах Смерти. Нет, тут для Колдуна не было ничего интересного. Но он дождался конца представления. Как Колдун и предполагал, Жажущий оставил покойника тут же, в заранее приготовленном старинном каменном гробу. Свежее человеческое мясо, вот что было нужно Колдуну. Человеческое мясо – универсальная валюта Посвященных Искусства. Сам он человечины, конечно, не ел без особой необходимости, собственноручно никого

ради мяса не убивал, но мог обменять человеческое мясо или живого человека – на знания либо золото. Угрызения совести? Жалость. Да, бывало. Но искаженное Искусством восприятие реальности заставляло человека действовать со своеобразной избирательностью. Викторин мог продать демонам сотни людей, не заботясь об их дальнейшей судьбе (что являлось одним из пунктов его договора с Древними), но в то же время он, наверное, прыгнул бы в ледяную воду, чтобы спасти утопающего...

В тот день на кладбище, срезав ножом самые мягкие и нежные куски плоти и перепачкавшись кровью, Колдун поспешил в свое убежище. Он торопился, боясь, что его застанет Жажущий – ведь никто, даже семья Колдуна, не знал, кто он на самом деле...

* * *

Солнечный луч, проскользнув в узкую щель между занавесками, нарисовал ярко-белое пятно на потолке.

Анна пошевелилась и в полусне медленно провела рукой по обнаженной груди мужа. Еще один день – еще один штрих серой повседневности. Дребезжа, зазвенел будильник. Тяжело вздохнув, Анна приподнялась. Спустив ноги с кровати, пошарила в поисках тапочек. Окунув ноги в мягкую синтетику, прошаркала на кухню, мельком бросив взгляд на зеркало в прихожей. Оплывшие черты лица. Всклоченные волосы. Синяки под глазами. словно она кутила всю ночь.

Поставив чайник на плиту, она отправилась назад и, усевшись у трюмо, начала методично расчесывать свои жидкие длинные пряди. «А некогда это были красивые локоны», – подумала она. Но и сейчас ей нужно выглядеть красиво. Не для мужа. С мужем она не спала уже больше двух лет, хотя ночь они проводили обычно в одной постели. Виктор не жаловался. Нет, он не страдал импотенцией, это Анна точно знала, но, возможно, у него, как и у нее, был кто-то на стороне. Даже сейчас, вспоминая Максима Палыча – начальника соседнего отдела, она томно вздыхала. Ее большие, обвислые от груза лет груди трепетали под комбинацией. Она вспоминала его ласки, думала о том, что сегодня, как обычно, в обед пойдет с ним в операторскую – маленькую коморку под лестницей, ключи от которой были только у Максима Палыча, и там снова отдастся ему, согнувшись, упершись руками в ледяную батарею отопления. Они опять будут спешить, Максим Палыч станет пыхтеть у нее над ухом, шептать всякие ласковые глупости. Почему она до сих пор жила с мужем? По привычке, из-за денег, из-за детей... Виктору очень много платили, хотя работал он, как сам говорил, простым инженером в каком-то сверхсекретном НИИ.

– Прихорашиваешься? – голос Виктора-Викториана был глухим, хриплым, грудным.

Анна ничего не ответила. Пусть болтает.

– Девочек разбудила?

– Пусть спят, у Лю сегодня нет нулевого урока. Так что ей в школу к девяти.

Ничего не ответив, Викторин отправился на кухню. Пятнадцать лет совместной жизни, несмотря на нынешнюю отчужденность, смешали их характеры. Много перешло от Анны к Виктору. Точно как она, шаркая, прошествовал он на кухню, снял закипевший чайник с плиты. Себе в отдельном чайнике заварил жасминовый чай, добавив несколько серебристых шариков женьшеня; жене и дочерям – обычный индийский «высший сорт».

В кухню заглянула Анна. Она еще не была одета, но уже отчасти привела себя в порядок.

– Два или три яйца? – поинтересовалась она у Виктора, доставая из духовки сковородку.

И сколько тебе сосисок отварить?

– Давай три. Сегодня я могу задержаться... А мясного не надо.

– Опять голодаешь?

Викторин не ответил.

Он не стал врать, вдаваясь в подробности о пользе вегетарианства и голодания, а она не стала спрашивать, потому что думала не о муже, а о Максиме Палыче. У Викторiana же в голове были формулы третьего уровня «Мегаполисмании», а совсем не семейные дела.

Потом проснулись девочки: Лю – Людмила, ей было четырнадцать, и восьмилетняя Зоенька.

Виктор не заметил, как пролетело утро. Разговоры, состоявшие из коротких фраз; ответы – «да», «нет». Виктору казалось, что дети (да, дети!)... и даже вещи чувствуют натянутость его с Анной отношений, чувствуют их взаимное непонимание и, как и супруги, давно смирились с повседневным самообманом.

А через час он с Анной вышел из дома. Она направилась в сторону автобусной остановки, чтобы ехать в свое НИИ, он – в сторону кладбища.

Ежась на ледяном ветру, щурясь от яркого солнца, прошел он по обледенелой тропинке к маленькому склепу. Сотворив заклятие «от чужих глаз», вступил в загаженное темное помещение, где между смерзшихся листьев и полуистлевших куч дерьма непонятного происхождения тускло, белыми пятнами проступал мраморный пол. Поднявшись на цыпочки, Викторian определенным образом надавил на нужный кирпич, и часть пола отошла в сторону, открыв темную дыру. Вниз во тьму вела ржавая и ненадежная на вид лестница. В нос ударил запах плесени и застоявшейся мочи. Но Викторian не останавливался. Двигаясь быстро и уверенно, он спустился во тьму по проржавленным ступенькам. Он видел в темноте так же хорошо, как днем, к тому же он знал каждый закуток подземелья как свои пять пальцев.

Закрыв за собой люк, Викторian в полной темноте прошел по сырому мрачному коридорчику к осклизлой стене. Там была еще одна потайная дверь, а за ней начинались его владения – три комнаты-склепа, залитые ярким флуоресцирующим светом. Тут был его настоящий дом – его обитель.

Как многочисленные грунтовые воды, постоянные дожди и наводнения, которыми столь славен был город, не затопили эти подземные помещения – оставалось тайной. Видимо, какая-то волшебная сила удерживала воду и не давала просочиться под землю холоду, постоянно поддерживая в подземелье температуру около двадцати пяти градусов. Викторian не касался колдовских сил, сохраняющих его обитель, боясь что-то нарушить и уничтожить апартаменты, на которые наткнулся совершенно случайно, выискивая следы Искусства в любом их проявлении. Тогда поиски привели его в эту подземную обитель, а еще через несколько месяцев он совершил паломничество к Колодцу...

Обитель Колдуна состояла из трех комнат. Первая и самая большая – гостиная, библиотека. Старинная мебель с витиеватой резьбой. Огромный импортный холодильник, до отказа забитый всевозможными деликатесами и теми продуктами с черного рынка, что никак не мог позволить скромный бюджет простого инженера. Гигантский письменный стол, уставленный всевозможными колбами и стопками книг. Хрустальная люстра под потолком, куда вместо лампочек были вставлены гнилушки. С помощью *Огненного заклятия* Викторian усилил ее свет в несколько сот раз. Из комнаты вело две двери. За правой – находилась кладовая Колдуна. Там хранились ингредиенты колдовских заклятий, расставленные на полках вдоль стен и развешенные на веревках, протянутых из угла в угол. На каменном полу кладовой была вырезана колдовская пентаграмма. Здесь Викторian общался с обитателями Колодца.

В комнате налево Колдун устроил спальню. Гигантская кровать под балдахином занимала большую часть помещения. Сюда иногда он приводил женщин – в основном несовершеннолетних пэтэушниц. Тут он развлекался с ними, собирая человеческие эмоции (тоже ходовой товар) и с ужасом вспоминая прелести своей супруги. Иногда он пытал своих «гостей» – но без особого желания, лишь в том случае, если об этом просили Древние. Никогда собственноручно не убивая их, Викторian отдавал девушек (а иногда, намного реже, юношей) обитателям Колодца, хотя порой ему было и жаль губить невинные души.

По-своему он был еще более изощренным убийцей, чем Жажущий, тот убивал, повинуюсь желанию наркомана, в то время как Колдун губил людей с равнодушием, зарабатывая этим себе на жизнь и между делом удовлетворяя физиологические потребности своего тела. Мысль о том, что кто-то еще будет жить, пусть даже и не сознавая, что знает его тайну, заставляла его трепетать от страха.

* * *

Финансовый вопрос.

Все было очень просто. Колдовство было его работой, колдовство приносило ему деньги. Викториан давно уже стал своим для торговцев антиквариатом и подпольных мастеров по золоту. Он с помощью Искусства добывал золото чаще в изделиях, чем в слитках. За золотой лом платили мало, но это во много раз превышало заработок пусть даже ведущего, но инженера. Когда он бросил работу и стал добывать деньги новым способом, то поначалу совершал грубые ошибки, последствий которых ему едва удалось избежать. Первые золотые изделия, которые он принес одному знакомому ювелиру, Колдун получил в дар от обитателей Колодца. Как выяснилось при экспертизе, изделия датировались третьим тысячелетием до нашей эры и стоили семизначную сумму в долларах. Счастье, что ювелир позвонил в первую очередь ему, а не куда положено. Викториану пришлось долго врать, убеждая ювелира, что перед тем искусная подделка. После этого Викториан поставил обитателям Колодца условие относительно времени изготовления колец и брошек, которые он может принять в виде оплаты за свои скромные услуги.

Неприятным получился инцидент с мафией.

Они выследили Викториана через комиссионки. Простой инженер, как числилось во всех анкетах, скромно живущий в двухкомнатной квартире в многоэтажке, за месяц продал столько золота, серебра, фарфора и бронзы восемнадцатого и девятнадцатого веков, что на вырученные деньги мог построить собственный девятиэтажный кооперативный дом.

Бандиты подкараулили его в подъезде. Повязали. Отвезли к какому-то местному авторитету на дачу.

– Итак, – сказал авторитет, затянувшись ментоловым «Мого», – откуда у вас, Виктор Степанович, столько разных штучек? Вам впору музей открывать.

Бандитов было слишком много, да и Викториан, в те времена еще неопытный по части Искусства, не мог сходу придумать, как вывернуться. Он ничего не ответил авторитету.

– Нехорошо, Виктор Степанович, – продолжал бандит, на лице которого читалось как минимум университетское образование. – Мы живем в государстве, которое все у нас отбирает. Вы что же, хотите, чтобы к вам нагрянуло КГБ?

Вот с КГБ Виктор Степанович никоим образом не хотел общаться.

– Или вдруг что-то случится с вашими дочками. Как жаль, если по дороге из школы одну из них переедет автобус... Нехорошо это будет, Виктор Степанович, – авторитет говорил таким спокойным равнодушным тоном, что Виктор понял – а ведь и впрямь переедут.

– Что вам нужно? – глухо выдавил он.

– Источник. Откуда вы берете цацки?

– Я не могу вам этого рассказать.

– Зря вы так, Виктор Степанович, – протянул авторитет. – Вам ведь столько денег не нужно. Вы ведете скромную жизнь...

– Нет.

– Шкипер!

Появился здоровенный низкорослый детина, лениво поигрывающий велосипедной цепью. Судя по внешнему виду, показатель интеллекта у него был величиной отрицательной.

– Несговорчивый у нас сегодня гость, Шкипер, – тем же спокойным голосом продолжал авторитет. – Может, для начала ты его поучишь взаимопониманию, а если с ходу не дойдет, то нужно будет заняться им более основательно.

Викториан понял, что если его избыют, он не сможет сосредоточиться, не сможет защититься.

– Сколько вы хотите? – дрожащим голосом пролепетал он.

– Разговор не мальчика, но мужа... Остынь, Шкипер.

Уголовник замер.

– Мне нужно знать, откуда вы берете цацки.

– Я могу вам платить проценты.

– Нет. Нам нужно знать, откуда вы берете эти цацки.

– Предположим, я стану давать вам изделий на миллион рублей в месяц.

Викториан отлично понимал, что портит себе рынок сбыта, приоткрывает для врагов покрывало своего могущества, но все, что ему было нужно, – оттянуть время. Он хотел, чтобы его просто где-то заперли, и тогда он мог бы обратиться к своим покровителям.

С трепетом ждал он ответа.

Когда Викториан назвал сумму, глаза авторитета округлились. Дача, несколько квартир с женой и любовницами, машины – все, что имел этот человек, стоило от силы несколько сот тысяч. Тут же ему предлагали миллион ежемесячно. Авторитет задумался. Судя по всему, человек, сидевший перед ним, мог выполнить свое обещание. Конечно, под пытками можно было узнать, откуда он берет вещи, и получить много больше. А если он не скажет? На вид Виктор выглядел замкнутым крепышом. Иметь ежемесячный миллион и свернуть все дела, сосредоточившись лишь на сбыте? Заманчивая перспектива. Но авторитет боялся взять на себя ответственность за подобное решение. Подобное решение должна принять сходка.

– Нам надо посоветоваться, – медленно произнес он, облизав полные губы. Забытая «More» скорбно дымила на краю пепельницы.

Через пять минут Викториан уже сидел в сыром подвале дачи. Тогда он уже умел видеть в темноте, поэтому, лишь только все наверху затихло, он куском штукатурки начертил на сыром бетоне пола пентаграмму. Разодрав палец ржавой проволокой, он выдавил несколько капель крови и произнес необходимые слова на нечеловеческом языке, звуки которого меняли саму физическую сущность вселенной, порождая те процессы, что неискушенные люди порой называли чудесами.

Через несколько секунд в воздухе над центром пентаграммы закачалось зеленое лицо, которое, если бы не острые иглы зубов, можно было бы принять за маску Фантомаса. Это была одна из масок-образов, которую использовал его «демон» (если, конечно, можно было так назвать одного из Древних). Зеленое лицо казалось неживым – пластиковый реквизит какого-то театра. Но в лице этом таилось что-то пугающее, неуловимо нечеловеческое, одним махом превращающее на вид незыблемую реальность в мир снов.

– Ты звал меня, слуга?

– Да, Зеленый Лик. У меня неприятности. Злые люди, не чтящие законов моей страны, схватили меня. Они требуют богатств и могут убить меня, так как ни под какой пыткой не смогу я рассказать непосвященным о Колодце.

В его устах эти слова прозвучали, как молитва мусульманина, взывающего к Аллаху в застенке неверных.

Некоторое время зеленое лицо изучало Колдуна, уставившись на него мутными глазами, где в болезненно белой зелени едва можно было различить малахитово-зеленые зрачки. Викториан знал, что демон проверяет его мысли, нет ли обмана. За миллионы лет обитатели Колодца научились не доверять короткоживущим.

– Ты говоришь правду, – вновь заговорил Зеленый Лик. – Я пошлю к тебе Ицихитанацу – одного из слуг Колодца. Он уничтожит твоих врагов и в виде оплаты заберет их мясо. – Лик заколебался, словно собираясь растаять, но потом восстановил материальность. – Когда он появится, не забудь разорвать пентаграмму, краткоживущий, и не бойся. Ты нужен нам.

Лик исчез. Через мгновение в центре пентаграммы начало собираться какое-то облако. Колдун не сразу заметил его появление. Ицихитанацу не возник на пустом месте, а как бы проступил из ниоткуда, постепенно проявляясь из воздуха на манер чеширского кота. Викториан с замиранием сердца следил за происходящим. Он много читал о «страшном звере» (кажется, так переводилось имя этого слуги Лика с африканас), но нигде не встречал его описания. Инстинктивный страх перед неведомым овладел им.

Ицихитанацу оказался маленьким негритенком. Голым. Безобидным. Его детское личико выглядело самым воплощением невинности. Но внешний вид не мог обмануть Викториана. Он знал, как порой обманчива бывает оболочка в сравнении с внутренним содержанием, особенно, когда дело касалось Древних.

Окончательно материализовавшись, Ицихитанацу широко зевнул, и Колдуна окатила волна зловония, словно он вдохнул воздух, наклонившись над полуразложившимся трупом. Почему безумная фантазия Древних превратила палача в чернокожего ангела? Или тут, как и во многих поступках обитателей Колодца, скрывалась черная ирония, глумление над устоявшимися образами человеческой культуры?

Осторожным движением ноги Викториан стер одну из линий пентаграммы. Чудовище оказалось на свободе. Мальчик едва доходил Викториану до пояса, но когда он заговорил, голос его показался голосом старца:

- Где мясо, слуга?
- Люди наверху, в доме.
- Мясо только в доме?
- И на огороженном забором участке.
- Через час я все заберу.

Ицихитанацу поднялся по приставной лестнице. Легкое движение пухлой детской ручки – и люк из толстых досок разлетелся в щепки. Наверху послышались крики, кто-то выстрелил.

Викториан забился в угол и зажал уши руками. Из старинных книг он знал, сколь ужасной может быть смерть от руки такого существа.

В доме кричали. Страшно кричали, как кричат люди, перед которыми разверзлись пучины ада.

Негритенок то и дело возвращался. Ни слова не говоря, не обращая никакого внимания на Колдуна, он сгружал в центр пентаграммы окровавленное мясо. Человеческое мясо – то, что раньше было телами авторитета, Шкипера и других, быть может, совершенно невинных людей, по несчастью оказавшихся в проклятом месте в неурочное время. Через некоторое время груды окровавленной аморфной массы, совершенно лишенной костей, растворились в воздухе. Потом исчез и негритенок.

Из разных уголков дома к подвалу с пентаграммой тянулись кровавые следы.

Некоторое время Викториан просидел без движения. Он боялся выходить. Боялся того, что мог найти наверху; не хотел, чтобы видения смерти, запечатлевшись в памяти, со временем пробрались в его сны. Но, наконец, взяв себя в руки, он поднялся по лестнице.

Все стены и потолки на даче были забрызганы кровью, повсюду валялись обгрызенные кости, обглоданные хрящи, внутренности. *Прочь из обители Смерти!* Виктор побежал. Он бежал, не оглядываясь, поскользываясь в лужах уже начинающей сворачиваться крови, спотыкаясь о черепа с содранными скальпами и откушенными носами, стремясь как можно быстрее покинуть царство кошмара. Несмотря на его колдовскую практику, анатомичка всегда вызывала у него позывы к рвоте.

Больше мафия никогда его не беспокоила. Или Лик принял меры, или после случившегося на даче Викториана боялись трогать – но факт остается фактом: отныне мафия стала обходить его стороной.

С милицией все получилось намного проще.

Викториану пришла повестка.

Анне он объяснил, что это по работе, из-за получения очередного допуска. На вопрос лейтенанта об источнике предметов антиквариата Виктор положил на стол эбонитовый футляр с простыми золотыми кольцами. Ему тут же подписали пропуск на выход из учреждения. После этого его стали вызывать раз в два-три месяца, и каждый раз он вручал лейтенанту подарок на несколько сотен тысяч, на чем все и заканчивалось.

Домой он приносил только зарплату, примерно равную зарплате среднего инженера, но если жене или одной из дочек срочно требовалось новое пальто или шуба, зимние сапоги или сумочка, Виктор всегда «как раз вовремя» получал премию.

Деньги он хранил в своей подземной обители, защищенной *Заклятиями смерти* во много раз лучше, чем любыми железными дверьми, замками и сигнализациями. Человек, не владеющий Искусством и чудом проникнувший в первую комнату, умирал в течение десяти секунд.

* * *

Колодец.

Откуда он взялся? Что собой представлял?

Кто такие Древние, упоминание о которых можно найти в старинных магических книгах различных народов?

Эти вопросы больше всего мучили меня, когда я впервые встретился с Викторианом...

* * *

Уже став Колдуном, но еще не опираясь на силу живущих в Колодце; имея подземные апартаменты, но еще не торгуя человеческим мясом, Викториан ежедневно ходил на работу, вечерами рисовал пейзажи – все в мрачных, болезненных сине-белых тонах. Его картины никогда не выставляли, но все, кто их видел, потупив взгляд, соглашались с их уникальностью и непревзойденным мастерством исполнения. Виктору удавалось, проскочив через временной барьер, изобразить Землю такой, какой она была до Благословения Христова, когда верившие во Всевышнего ессеи мочили ноги в Ефрате, а сенобиты ставили опыты над плотью и болью. На его полотнах была земля, где еще не смешались невинность и порок. У знакомых Викториана, воспитанных в обществе, где в основе лежали, пусть гипертрофированные марксизмом, идеи христианской морали, такие картины вызвали болезненную нервозность с эффектом рвотного, хотя это были всего лишь обычные пейзажи. О картинах Виктора говорили, писали, но никогда не выставляли, не печатали репродукций.

Именно тогда на его картинах стал появляться колодец. Не тот колодец, где обитали Древние, а обычный, старинный колодец. На пейзажах, порожденных болезненным сознанием, каменная кладка колодца выглядела непринужденно, естественно. Она смотрелась неотъемлемой частью пейзажа, как и нездорово-белое, словно плоть утопленника, режущее глаза солнце планеты, и небо, еще не засоренное паразитом жизни.

А потом была командировка, и, уезжая, Викториан захватил этюдник. Зачем? Он не мог этого объяснить, просто взял, и все.

Его отправили в захолустный город в центральной России, который по каким-то никому не понятным причинам давно стал мощным железнодорожным узлом. Там находился склад-

распределитель, и нужно было получить какое-то оборудование, договориться с железнодорожниками, отправить вагон. Работа хлопотная, бестолковая – беготня с бумажками по кабинетам в поисках нужной подписи. Но Викторинан и сам был удивлен, насколько быстро и ладно у него все получилось.

Командировка была выписана на неделю. Викторинан управился за два дня. Возблагодарив небеса за то, что догадался прихватить этюдник, на третий день, с утра пораньше, он бежал из пятиместного номера гостиницы, больше напоминавшего больничную палату, и отправился за город.

Выйдя на кольцо городского автобуса, Викторинан зашагал прочь от новостроек к видневшемуся вдалеке холму, который фурункулом возвышался над окрестной равниной.

Почему Колдун выбрал именно этот маршрут? Почему именно холм привлек его внимание? Сложно сказать. Хотя за этим видится не случайное стечение обстоятельств, а намеренная перестановка пешек-людей в шахматной игре обитателей Колодца.

Холм зарос колючим кустарником, но это не остановило художника-любителя, решившего неприметно подняться на самую вершину. И когда он, исцарапанный, в разорванной рубашке, задыхаясь, вылез из сухих колючих кустов на плоскую вершину, то был сполна вознагражден. Виктор увидел то, что преследовало его в ночных кошмарах последние несколько месяцев. Надо сказать, что, просыпаясь, Колдун, как и большинство Посвященных, не помнил свои сны. Но потом увиденное во снах вылезало на его картины, придавая зловещий колорит морским пейзажам Финского залива.

На вершине холма возвышался *тот самый колодец*. Круг из двойного ряда камней опоясывал черный провал, ведущий в земные бездны...

* * *

Яркое солнце. Высвечена каждая деталь. Каждый камешек четко вырисовывается в серой пыли. Сухие черные кусты за спиной застыли молчаливыми стражами. Ни ветерка. Ни облачка. Желание творить отступило перед более древним желанием познать.

Колдун осторожно делает шаг вперед. За спиной с хрустом обламывается сухая ветвь, уцепившаяся за рубашку. Мертвая тишина. Колдун делает еще один шаг. Еле слышный хруст камешков под ногами подобен грому. Эхо подхватывает его.

Еще один шаг. Колдун чувствует себя доисторическим охотником, подбирающимся к логову саблезубого тигра. Еще шаг. Еще и еще. Колдун не идет прямо к колодцу. Он словно борец на ковре. Колодец – противник. Колдун подбирается к нему по спирали. Круги постепенно сужаются.

Этюдник забыт. Остался только колодец. Настоятельная необходимость заглянуть в его темную глубину!

И вот цель рядом. Пальцы Колдуна осторожно касаются шершавого, разъеденного временем камня. Камень как камень. А чего же он ждал?

Со вздохом облегчения Колдун садится на землю. Прислоняется спиной к камням. Что дальше? Вначале перевести дыхание.

Тут ему показалось... Наваждение длилось всего лишь мгновение – возможно, это была реакция организма на психологическое перенапряжение. Но все же на мгновение ему показалось, что он попал на одну из своих картин, в мир Ирреальности. Вот это солнце в вышине. Но это же не то земное солнце, которое он видел в небе всю жизнь. Оно пылало намного ярче. Мертвенно-бледное, но не как на юге. На сочном синем небе сверкала разлагающаяся звездная плоть.

Мгновение – и наваждение отступило. Викторинан тяжело вздохнул. Теперь пришло время запахов и звуков.

Вы слышали, как кричит козодой? Как кричит птица в ожидании потерянной души, которую ей предписано сопроводить в ад? Раньше Колдун никогда не слышал крика козодоя. Но теперь, услышав, он сразу узнал его голос. Может, и не козодой исполнял песню Смерти, но именно песней козодоя прозвучал одинокий птичий голос над вершиной холма. А нахлынувшие запахи! В них преобладала сырость. Знакомый запах кладбища на берегах Смоленки. Но было в нем что-то еще. Некий едва уловимый ингредиент. Пыль потревоженных могил? Запах истлевших саванов? Вонь гнилой кожи рептилий?

В это мгновение Колдун был слишком возбужден, чтобы точно разобраться в своих чувствах. Ему казалось, что он свернул на одну из тропинок кубика Лемарчада.

Колодец был как-то связан с Искусством. Внешне обычный колодец. Значит, то, что тревожило его последние годы, сокрыто внизу. Викторян понял: *нужно лезть в колодец!* Неровный камень, о который он опирался спиной, больно впивался в тело сквозь тонкую рубашку. Этюдник в сторону! Больше он не нужен. Проложив дорогу к вершине холма, он стал для Викторяна лишь помехой. Пальцы Викторяна стали шарить по внутренней стороне каменной кладки. *Там должны быть ступени!* Шершавая поверхность. *Ничего!* Викторян потянулся дальше. *Пусто.* Еще дальше.

Он лежал на животе на камнях, перегнувшись через край, когда все и случилось. Неловкое движение. Рука, на которую опиралось его тело, соскользнула.

С диким криком, головой вниз, полетел Викторян в темный зев Колодца. Однако он не испугался. На мгновение промелькнула мысль: «Вот и все». Но тут же угасла. Не смерть ждет его впереди. Не может все кончиться вот так глупо.

Сколько времени он падал? Викторяну казалось – часы. *Еще чуть-чуть, и черная тьма впереди расступится, и он вылетит из такого же колодца на другой стороне Земли.* На мгновение промелькнула мысль об Алисе и кроличьей норе. Однако на самом деле падение продолжалось всего несколько секунд, а потом Колдун со страшной силой врезался в темную, маслянистую воду. Захлебываясь вонючей жидкостью, молотя руками и ногами, он всплыл, вдохнул сырой воздух подземелья. Первой мыслью было выбраться из густой массы, в которую он плюхнулся. Руки, повинувшись инстинкту самосохранения, вытолкнули тело на поверхность. Страх перед тем, что, быть может, придется погибнуть в этой вонючей яме... Не страх перед Смертью. Страх перед *такой* тошнотворной смертью. Но постепенно Викторян понял, что не утонет. Он немного успокоился, взял себя в руки.

Наверху, далеко-далеко, сверкало синее пятнышко неба.

Викторяну почему-то вспомнилось, что когда-то он слышал, что если смотреть из колодца в небо, то даже днем можно увидеть звезды. Однако высматривать звезды желания не было.

Вонючая, густая, ледяная вода. Гнилостные испарения. Викторян понял, что чем быстрее выберется, тем меньше у него шансов подцепить какую-нибудь заразу. Он стал шарить руками по скользким стенам. Не за что зацепиться.

«Я отсюда не выберусь!»

Неожиданно рука его ушла в пустоту.

«Коридор?»

Пол коридора находился чуть выше уровня воды, но камни оказались такими скользкими, что Викторян едва выкарабкался. Ему потребовались все его силы. Оказавшись на твердой земле, он в бессилии привалился к холодной стенке. Несколько минут просидел он неподвижно, переводя дух. Но разум его лихорадочно работал. Мысли неслись бешеной чехардой. Вопрос: «Зачем он полез в колодец?» отгеснил в сторону вопрос: «Как он вылезет?» Не был ли этот коридор просто нишей? Куда он ведет? Есть ли на том конце выход на поверхность?

Искусство привело его сюда и поведет дальше.

Несколько минут понадобилось Викторину, чтобы взять себя в руки, чтобы унять дрожь замерзшего тела. После этого, на ощупь найдя камешек (тогда Колдун еще не мог видеть в темноте), он заставил его засветиться. В слабом магическом свете, как на проявляющейся фотографии, проступил сводчатый потолок. Надежная каменная кладка. Осторожно, держась руками за стену, Викторин пошел вперед. И только тут он осознал, что привлекло его сюда. Сила – сила Искусства. Ею было пропитано все вокруг. Каждый камень. Темный водоем, в котором он купался – все окружала аура Силы. Он купался в Силе Искусства, но не замечал этого до той поры, пока сам не воспользовался Искусством, заставив камень светиться.

Теперь его неумолимо влекла вперед жажда знания. Он уже не жалел о том, что упал в колодец. Судьба привела его сюда – и, значит, так и должно быть.

Викторин долго шел по туннелю, который, казалось, уходил все глубже и глубже под землю, при этом становясь все суше и суше. Постепенно стены, пол и потолок туннеля начали слабо мерцать, и Колдун загасил свой камень. Ему казалось, что он прошел под землей несколько километров. Может, так оно и было.

Наконец, стены перед ним раздались в стороны, и он оказался у входа в огромную пещеру, потолок и стены которой терялись в темноте. Подземный мир. Тусклый свет позволял видеть предметы, расположенные не далее чем в десяти шагах.

Неожиданно из темноты выступил некто. Темный плащ и низко надвинутый капюшон скрывали фигуру и лицо незнакомца. Викторин отпрянул. Он знал, что есть и другие люди, познавшие Искусство – ведь подземное убежище, найденное им на кладбище, раньше кому-то принадлежало. Кто-то создал его. Но встретить кого-то здесь, на дне колодца...

Голос незнакомца оказался хриплым, чуть приглушенным, похожим на тихий шелест маслянистых волн о склизкие берега ленивой подземной реки:

– Приветствую нового Посвященного.

– Кто вы?

– Я – Привратник.

– ...?

– Я встречаю тех, кто приходит по делу, и спроваживаю тех, кто является без дела.

– Но у меня нет никакого дела.

– Это ты так думаешь.

На мгновение наступила пауза. «Те, кто является без дела... Являются куда?»

– Где я? Куда я попал?

Облизав пересохшие от волнения губы, Колдун почувствовал горький вкус высохшей гнилой воды и поморщился.

– Вода колодца безвредна для творящих Искусство, но смертельна для Непосвященных, – словно читая мысли Колдуна, сказал Привратник.

– Где я? – повторил свой вопрос Колдун.

– На пороге обители Древних.

– «Древних»?

– Их еще называют Злыми. Ты должен был читать о них в своих книгах.

– Кто они такие?

– Создатели и хранители Искусства.

– Но разве кто-то создавал Искусство? Разве оно не существовало всегда?

– «Всегда» – очень короткий промежуток времени, особенно для людей.

– Не понимаю.

– Неужели Искусство не привело тебя к осознанию собственной нечеловечности?

– Значит, Древние – не люди?

– Конечно.

– Но кто же они?

– Древние... Злые... Можно называть их демонами, можно – языческими богами. Человеческая культура до странного исказила реалии Искусства, вознеся одни из проявлений его до божественного, и низведя другие до уровня демонического.

– Значит, здесь живут Древние...

– Да, те, кто правил планетой много тысячелетий назад; те, кто создал Искусство... Хотя ныне большая часть их ушла. Но некоторые остались.

– Где же они?

– Я пришел как раз для того, чтобы встретить тебя и отвести к ним.

– Подожди... Кто ты сам?

– Некогда я был человеком. Одни называют меня Привратником, другие – Слугой. В древности меня звали Хароном.

– Значит, это – Ад?

– Глупо было бы называть это место Адом, поскольку Ад лишь плод фантазии невежественных людей... Но идем, Древние призывают тебя.

Человек в капюшоне повернулся. Его движение было плавным и неуловимым. Мгновение назад он стоял лицом (если, конечно, под этим низко надвинутым капюшоном имелось лицо) к Колдуну, а теперь Викториан видел лишь его спину. Привратник пошел в глубь пещеры. Однако «пошел» – неверное слово. Он двигался плавно, словно призрак, и на мгновение Колдуну показалось, что под плащом никого нет. Что Привратник, встретивший его, – призрак или какой-то игривый вихрь, подхвативший легкую, как паутина, ткань и треплющий ее, не зная, как быть с находкой дальше. Раньше Колдун несколько раз уже встречался с призраками, но те были не такими: легкие бледные тени, способные лишь на томные вздохи, – молочно струящееся ничто. В Привратнике же ощущалась Сила. Иметь такого противника, схватиться с ним... Нет, Колдун и врагу бы своему такого не пожелал.

Чем дальше они шли, тем светлее вокруг становилось. Викториана охватило трепещуще-сладостное ощущение, словно он очутился на пороге чего-то поистине Великого. Так, наверное, чувствует себя верующий, ступив на святую землю Ватикана. Постепенно в темноте стало вырисовываться некое строение – то ли замок, то ли храм. В тусклом свете с трудом можно было рассмотреть его очертания, странным образом гармонично совмещающие в себе стройность древнегреческих храмов, угрюмость средневековых европейских замков, шпили русских кремлей и порталы европейского барокко. Постройка поражала монументальной древностью. И в то же время она казалась призрачной, устремленной в едином движении – но не вверх, как постройки людей, а вниз. Виктор так и не смог понять, отчего с первого же взгляда у него появилось ощущение, что он видит лишь малую ее часть; что основная ее часть лежит где-то там, у него под ногами, сокрытая каменной толщей.

У ворот стояли стражи. Воины в странных доспехах, вооруженные каким-то необычным, но опасным на вид холодным оружием. А может, это манекены? Стражи не шевелились; лиц, скрытых забралами шлемов, невозможно было разглядеть, и Викториан не знал, живые они или нет. Их доспехи казались изошренным произведением неведомых ювелиров. Только подойдя совсем близко, Викториан понял, что такое впечатление создавала гравировка – бессчетные колдовские буквы, сплетенные в единый узор на некогда блестящем, но за века потемневшем металле.

Само строение представляло собой хаотичную постройку, рожденную кошмаром безумного архитектора. Посреди круглого двора возвышалось странное сооружение – множество отдельных закутков, напоминающих кабинки для исповеди. Они располагались по кругу, словно огораживая нечто, что недозволено видеть. Именно там, за кругом этих кабинок, и находился источник Силы. Настоящий Колодец.

Колдун удивился, увидев во дворе множество людей. Их было, по меньшей мере, около сотни. Одни входили или выходили из кабинок, другие что-то делали. Похоже, тут шла ожив-

ленная жизнь. Викториа́н знал, что, кроме него, есть и другие Посвященные в Искусство – но столько!..

И еще Викториа́на поразило обилие резьбы – странные, мистические знаки древности, часть которых он уже встречал, изучая древние манускрипты, украденные из различных музеев при помощи Искусства. Казалось, эти знаки были повсюду. Каждый камень древнего места был изукрашен надписями. О чем они рассказывали? Викториа́н не знал мертвых языков, о значении отдельных символов лишь догадывался. К тому же большая часть надписей на каменных плитах мостовой за века стерлась под ногами бесчисленных Посвященных, став едва различимой.

Кроме того, по всему двору были разбросаны выбеленные кости. Человеческие? Скорее всего. Большую часть камней покрывали какие-то темные пятна. Засохшая кровь? Лишь на следующий день Колдун получил подтверждение своей догадки. Викториа́н нигде не заметил гниющей плоти – воздух был сух и чист, хотя в нем присутствовал почти неуловимый запах пыли – запах веков.

А люди, снующие по двору – едва различимые темные тени, как и его провожатый, – выглядевшие призраками, не обращали никакого внимания ни на кости, ни на надписи.

Навстречу Викториа́ну и Привратнику из тьмы вышел тощий молодой человек, одетый только в фартук из светлой кожи, заляпанный, как и плиты, темными пятнами, в скудном освещении выглядевшими черными кляксами. В руках у него оказался блокнотик. На корешке блокнотика был закреплен фонарик, освещавший листок с какими-то записями. Да-да, обычный маленький электрический фонарик. Викториа́н был поражен. Он ожидал увидеть светящийся камень, подобный тому, что зажег он сам, пробираясь по туннелю. Но тривиальный электрический фонарик! На мгновение ему показалось, что его обманули, и вместо *тайного места* он попал на кино съемку. Следующей была мысль о том, что все ему снится. А третьей, что все это – розыгрыш. Но для розыгрыша чересчур грандиозны масштабы; слишком необычен вид голого мужчины в кожаном фартуке. Электрический свет – желтый и неестественный, высвечивал лицо молодого человека таким образом, что каждая неровность кожи, каждый бугорок при помощи теней превращались в ужасный нарост или гнойник. В целом лицо походило на лик прокаженного, и Викториа́н едва сумел погасить в себе волну отвращения, с трудом уговорив себя, что все это лишь игра теней.

Последние сомнения Колдуна рассеял голос Харона:

– Я встретил... – и тут Харон назвал точное имя, фамилию и отчество Викториа́на, хотя, как помнил Викториа́н, он Привратнику не представлялся.

– Его ждут в Исповедальне, – объявил молодой человек, а потом повернулся к Колдуну. – Вам будет открыт Зеленый Лик. Пройдите, – изящным жестом он показал в сторону кабинок. – Там вы сможете задать свои вопросы и узнать ответы...

Внутренне трепеща, шагнул Колдун в сторону Исповедальни. Когда-то он читал фантастический рассказ – нет, даже несколько рассказов какого-то американского фантаста про бюрократию в Аду, но...

Но стоило ему войти в одну из кабинок, ощущение иллюзорности происходящего исчезло. Были Древние, было Искусство, были те, кто служит Древним – некая организация, стоявшая между отдельными индивидуумами, впитавшими в себя крохи Искусства, и теми, кто шел неведомыми путями Знания и Искусства, принимая Вселенную такой, как она есть, не пытаясь вогнать природный процесс в формулу, полученную с помощью статистики. Теми, кто сумел ощутить сам процесс – процесс творчества Природы, который, как и любое творчество, не поддавался алгоритмам человеческих формул.

Стоя на коленях у окошечка в стене кабинки, глядя в настоящий колодец – черную бездонную пропасть, Колдун чувствовал себя маленьким винтиком в машине Мироздания. Он бормотал про себя молитвы. Не «Отче наш», а воззвание к Повелителям тьмы из Книги Эбони.

И странные звуки мертвых языков – слова, о значении которых Викториан лишь догадывался, с трудом воспроизводимые человеческим горлом – звучали совершенно естественно меж увитых резьбой стен Исповедальни.

И тогда, тускло замерцав в воздухе, перед ним материализовалось зеленое лицо.

– Я – Зеленый Лик. Я буду твоим куратором.

Голос был нечеловеческим, и хоть Викториан видел движение губ зеленого лица, ему казалось, что слова возникают прямо в его мозгу. Он ничуть не испугался. За последние несколько часов его чувство страха окончательно атрофировалось.

– Куратор? – медленно повторил Колдун. Почему-то это слово показалось ему неестественным, чуждым, принадлежащим миру людей, оставшемуся далеко наверху.

– Можешь называть, как хочешь. Я использовал слово человеческого языка, имеющее наиболее близкое значение. Я буду направлять тебя по пути Искусства. Ты станешь служить нам, и за это мы будем оберегать тебя.

– Значит, я стану твоим слугой?

– Не моим. То, что ты видишь – Зеленый Лик – реально не существует. Я – один из Древних, и для общения с тобой использую образ, который наиболее соответствует твоему восприятию неведомого. Мы – Древние – идем иными путями, чем люди. Хотя некогда мы обитали на той же самой планете, но жили во вселенной с иными физическими параметрами, которая имеет много точек соприкосновения с вашим миром. В вашем мире есть много вещей, необходимых тем из нас, кто парит на грани миров, не нырнув в глубины, куда ушло большинство из нас. Искусство – отражение элементов нашего мира в вашем. Подробно ты узнаешь обо всем в библиотеке, а сейчас я хотел бы, чтобы ты поднялся в верхний мир, устроил свои дела там и возвращался сюда. Трех дней тебе хватит на то, чтобы понять основные принципы и цели Искусства. После этого ты снова явишься ко мне... Я скажу тебе, что делать дальше, и мы заключим договор.

«Договор с дьяволом?»

– Некоторые называют его и так, – согласился Лик, словно мысли Викториана были для него открытой книгой. – Ты продолжишь изучение Искусства. Но не самостоятельно, двигаясь вперед методом проб и ошибок, а целенаправленно, изучая артефакты, возникающие при взаимопроникновении миров; изучая Древние языки; вкусив мяса собратьев своих; служа нам... Только так ты сможешь стать настоящим творцом – художником Искусства...

Глава 3

Путь плоти

*Траурный занавес заменили на красный,
Пеньковое платье – на пестрый наряд.
«Цзянь Сингэ вновь видит жемчужную рубашку», Китайская
народная повесть.*

В первый раз Валентина влюбилась в восьмом классе. Ее возлюбленный был на два года старше, молодой, красивый, независимый. Наверное, его независимость и привлекла Валентину в первую очередь.

Он курил на переменах, прогуливал уроки, и это в ее глазах было не проявлениями высшей доблести, а ошибками. Она жалела его на свой лад, и именно жалость стала источником любви. Ночью, засыпая, она видела его лицо: копну вечно нечесаных темных волос, перекошенный рот, глаза, метаящие озорные искорки. Как она мечтала о нем! Мечтала, как было бы здорово, если бы они встречались. Она не могла точно сформулировать, зачем люди «встречаются». Ну, может, самое большее – поцелуй. Просто быть вместе, говорить о разных школьных делах, о чем-нибудь еще...

Какой наивной, глупой она тогда была!

Но была ли она нужна своему возлюбленному? Нет! Его девочкой была одноклассница Валентины – настоящая красавица. Темные локоны, огромные глаза, зовущий рот с пухлыми губами. Ее отец работал где-то в министерстве, и что могла Валентина противопоставить ее нарядам, ее косметике? А красавица встречалась с самым крутым парнем, в которого влюблена была большая часть девчонок старших классов.

Как плакала Валентина, глядя в зеркало на свое лицо, неправильные черты которого не могла спасти никакая косметика. Как рыдала она ночами, думая о нем!

Может быть, именно эти юношеские переживания и подтолкнули ее в сторону Искусства.

Валентина никогда не считалась отверженной среди сверстниц, у нее было много друзей, но девочки относились к ней чуть с подозрением, не доверяя ее откровениям, ее детским, наивным чувствам, вере в партию, к которой уже в те годы большинство людей относилось с опасливым почтением либо презрением. Конечно, Валентина была комсомолкой; конечно, входила в школьное бюро комсомола, пыталась заглушить общественной работой пожирающее ее сердце желание быть любимой. Но это плохо ей удавалось.

Мало того, что он, предмет ее вожделения, не обращал на нее ни малейшего внимания, другие парни вообще избегали Валентину. Хотя после, анализируя происходящее и пытаясь добраться до причин сложившегося положения вещей, Валентина поняла, что ее собственная отстраненность лишь увеличила пропасть, разделяющую ее и подростков противоположного пола. Подспудно, как и остальные владеющие Искусством, она тяготела к своего рода мазохизму, наслаждалась чувством собственного убожества.

Она была не дура. Нет, вовсе не дура, и училась на «отлично». Во время новогоднего бала, понимая, что на белый танец нужно пригласить какого-нибудь замухрышку, который потом, может быть, проведет ее домой... а там, глядишь, попросит телефон... Валентина пригласила его. Да, да! Вот так подошла, гордо подняв голову, отстранила плечом богатую красотку и пригласила его. А он ее послал. Матом. Сказал, куда она может убираться с такой мордой. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Безмолвно покинула она актовый зал. Безмолвно поднялась на третий этаж, подальше от кружков и парочек школьников и школьниц. И вот там, в туалете на третьем этаже, она разрыдалась. Как она плакала! До этого она никогда так не плакала. Даже

когда пьяный отец выдрал ее в третьем классе. Ей казалось, что глаза ее вместе со слезами вытекли в раковину.

А на следующий день случилось ужасное. Автокатастрофа. И ее возлюбленный, и ее соперница ехали на такси. Автомобиль врезался в автобус. Шофер остался без царапинки, влюбленные (если, конечно, они любили друг друга) – погибли.

Вначале Валентина не придавала этому значения. Не до того ей тогда было. Хотя, если честно, стоя навтыжку у флага на траурной линейке, она поняла, что ненавидела и его, и ее – соперницу, свидетельницу своего унижения; она желала им смерти. Однако подобные чувства недостойны комсомолки. Валентина пыталась прогнать их, но не могла. Она *радовалась* их смерти.

Тогда у Валентины сильно болела мать, а потом в ее подшефном третьем «Б» случилось ЧП. Двух малышей поймали в школьном туалете с папиросой. Поэтому первую смерть, порожденную ее проклятием, Валентина не отнесла на свой счет.

Лишь через несколько лет, вспоминая все случившееся, анализируя свой путь, Валентина поняла, что тот новогодний бал стал ее первым робким шагом в Искусстве.

* * *

Комплексы.

В девятом классе Валентина еще не знала такого слова, но была настоящим клубком комплексов. Она снова влюбилась. В этот раз более осмотрительно. Да и парень вроде бы отвечал ей взаимностью. Они несколько раз ходили в кино, а потом молча бродили по улице, не зная, о чем говорить.

Валентина была комсомолкой до мозга костей. А он любил фантастику и равнодушно относился к общественной работе; был маменькиным сыночком, но хотел казаться крутым, рассказывал похабные анекдоты, но в его исполнении они звучали глупо. Он не был влюблен в Валентину, хотя считал, что влюблен; хотел иметь свою девчонку и, не найдя никого подходящего, решил пока «поводиться» с Валентиной.

Как-то он пришел списывать уроки. Он не приставал к Валентине. Такое даже в голову ему прийти не могло. Просто они сидели, пили чай, сплетничали об учителях и одноклассниках... Валентина задумчиво сидела у окна, слушала глупое бормотание своего кавалера. Особенно раздражало Валентину то, что он очень нравился ее матери, ведь родители его были с высшим образованием, и сам он собирался поступать в институт. Он пока еще не решил, в какой, но в какой-нибудь с военной кафедрой, чтобы в армии не служить.

Иногда, замечая, что Валентина его совсем не слушает, юноша менял тему, начинал говорить о другом, потом еще о чем-то. Но Валентине было грустно. Кончить школу, получить профессию (она твердо решила, что после десятого класса пойдет в техникум – «стране нужны грамотные рабочие!»), выйти замуж за правильного парня, нарожать детей (обязательно двух) и воспитать их настоящими строителями будущего – правильная жизненная линия сейчас почему-то казалась ей невообразимо скучной.

И вот тут произошло событие, полностью изменившее так четко намеченный жизненный путь. Решив прихвастнуть, хоть как-то заинтересовать Валентину и показать, насколько он «крут», маменькин сыночек заявил:

– А знаешь, что у меня есть?

Валентина равнодушно пожала угловатыми плечами.

– Ну, на комсомольских собраниях это, конечно, не показывают, – добавил он с ехидством, пытаясь разжечь ее любопытство чисто из жеребьячьей гордости.

Валентине было абсолютно все равно.

– Ну?

– Нет, ты слишком правильная. К тому же девчонки, как говорят, смотрят другие журналы.

– Какие журналы?

– Да так, – теперь герой слегка замялся, поняв, что зашел слишком далеко и теперь придется идти до конца. И, видно, кляня себя за длинный язык, он чуть ли не шепотом добавил. – С девочками.

Валентина скривилась. Она знала, что дети рождаются не в капусте. Когда у нее начались месячные, мать ей все объяснила. Нельзя сказать, чтобы Валентина, воспитанная в пуританстве нижнего комсомольского звена, до конца поверила матери – слишком грязным и неправдоподобным ей это все показалось. Да, мужчины и женщины встречались, женились, у них были дети, но такая гадость... Однако... И тут Валентину словно бес попутал, а может, Искусство, уже пустившее корни в ее душу, подтолкнуло ее. Стараясь сохранить все тот же равнодушный тон, Валентина спокойно приказала:

– Покажи!

Брови хвастуна поползли вверх. Честно говоря, он сам не понимал, зачем брякнул про журнал. Но отступить было некуда. Нагнувшись, покраснев, он вытащил из сумки белую папку и протянул Валентине. Она взяла эту обычную папку, в которой скрывалось нечто мерзкое. Холодный белый картон обжег пальцы. Смотреть сейчас! Нет! И тут же в голову Валентине пришло оправдание: «Чтобы победить врага, надо знать его!»

– Я посмотрю потом.

– Но... – замялся парнишка. – Журнал не мой...

– Не бойся, верну. Завтра принесу в школу.

– В школу не надо... Я вечером зайду, заберу.

Валентина отложила папку в сторону, под учебники.

Уроки были сделаны. Разговор не клеился. Незадачливый кавалер то и дело краснел, косился на папку. После того, как он «прихвастнул», вся его болтливость разом пропала. Ему было стыдно перед Валентиной от того, что у него есть такой журнал, и он явно почувствовал облегчение, когда, собрав тетради и на ходу натягивая пальто, выскользнул из квартиры Валентины.

Валентина вернулась к папке. Запретный плод манил и внушал страх. Что скрывается за тонкой картонной обложкой?

Боясь, что кто-то из родителей заглянет в ее комнату, когда она будет смотреть журнал, Валентина решила посмотреть его, когда отец с матерью лягут спать.

Время тянулось бесконечно. На улице уже стемнело. За что бы ни бралась Валентина, взгляд ее неизменно возвращался к белому картону под учебниками. После программы «Время» показывали детектив про «Знатоков», но Валентина отказалась смотреть, ушла к себе в комнату. Завалившись на тахту, она пыталась читать, но даже любимый «Овод» казался скучным, слова – сухими, чувства – вымученными. Нить повествования то и дело ускользала. Позвонила соседка по парте, спрашивая ответы на примеры. Валентина что-то ответила ей, но мысли ее витали где-то далеко-далеко.

– Ты не заболела? – поинтересовалась мать.

– Да нет, – ответила Валентина, таким тоном, что мать расстроено покачала головой.

– Что-то случилось в школе?

– Просто грустно.

Долго Валентина лежала, сжимая в руках книгу, прислушиваясь к тому, как родители вначале смотрели детектив, потом укладывались спать. В комнату заглянул отец:

– Ложись, уже двенадцатый час.

– Я только главу дочитаю.

Валентина еще долго ждала, прислушиваясь к ночной тишине, воцарившейся в квартире. Где-то наверху приглушенно звучала музыка. По улице проезжали машины. Прозвенел трамвай.

Наконец в мире воцарились тишина, мрак, ночь.

Валентина заметила, что ее пальцы вспотели, и от пота краешки страниц, в тех местах, где пальцы касались бумаги, покорежились. Валентина отложила книгу в сторону...

* * *

Странными бывают дороги Судьбы – так говорят мудрецы Востока. Еще более странными путями идет к душам людей Искусство. Малейшая брешь, малейшая лазейка, самое крошечное неприятие норм общечеловеческой морали – и человек, откачнувшись от повседневного порядка вещей, словно маятник, движется от света к тьме Искусства. Так случилось и с Валентиной, и журнал – сто глянцевого страниц с фотографиями голых женщин, стал тропинкой, открывшей путь, по которому Искусство вошло в ее жизнь.

В самом журнале не было ничего особенного. Такие журналы продаются по всему миру в «секс-шопах», но впечатление от него, от прикосновения к грязному и запретному, наложенное на воздержание, взлелеянное социалистической моралью, дало неожиданный эффект.

* * *

Напряженно сжались пальцы на белом картоне. В квартире тишина. Родители спят. Белые завязки папки. Какой узел! «Жаль, что утром ногти подстригла». Еще одно усилие. И вот...

На обложке – молодая красивая девушка. Голая, но стоит боком. Валентине обнаженная женская плоть тогда была безразлична. В этом плане у нее тогда не было никаких отклонений. Английские буквы складываются в надпись. «CLAB». Клуб? Клуб чего, секса? Может, у них там есть и такие. Валентина, напичканная советской пропагандой, еще не могла самостоятельно анализировать многие вещи, слишком плохо знала реалии культуры по ту сторону границ.

Но что ей бросилось в глаза: бумага. Ее приятно было касаться; она была нежной, гладкой, словно человеческая кожа. Как в альбомах живописи, которые хранились у них в школе в кабинете рисования. Но это была не тяжеловесная мелованная бумага... А краски! Такие яркие. Они резали глаза, и в отличие от обложек журналов, которые ее родители получали по почте, в запретном цвета были естественными, нарядными.

Не в силах сдержаться, Валентина провела рукой по обложке. Какое приятное ощущение! Ощущение настоящей, яркой вещи, попавшей в круг тусклого царства теней. Это и есть плод пресловутой поп-культуры?

Валентина пролистала журнал. Там не было ничего особо интересного. Голые красотки позировали, выставляли себя напоказ и изгалялись, кто как может. Но общее состояние весны, радости, света оставалось повсюду. «Ярко, дешево и безвкусно!» – сказала про себя Валентина, и тут же поймала себя на том, что врет сама себе. Нет, было в ее отношении к этому кусочку бумаги что-то еще.

Она попробовала прочитать узкие столбики текста. В школе Валентина изучала английский. У нее была пятерка, но тут из знакомых слов она нашла лишь «the» и «I am». Еще прочла написанные большими буквами имена девушек «Charlotte», «Louise», «Celeste». Фотографии девушек перемежались страницами с фотографиями машин, какой-то музыкальной техники. Несколько юмористических картинок показались ей не смешными и как-то топорно нарисо-

ванными. Под каждой из картинок была надпись, которая могла с тем же успехом быть сделана египетскими иероглифами.

Валентина закрыла журнал. Разочарованно вздохнула. А чего она, собственно, ждала? Просто фотографии голых женщин, широко раздвигающих ножки. Журнал для развращенных буржуев и юнцов-недоумков. К последним она отнесла и своего кавалера.

Уже завязав папку и отложив журнал в сторону, потянувшись к выключателю бра, висевшему у нее над головой, над кроватью, Валентина замерла, пораженная. Не может быть! Торопливо она взяла папку, начала развязывать тесемки.

Так и есть!

У всех девушек, демонстрировавших на страницах журнала свои интимные места, промежности были выбриты или целиком, или отчасти. Удивленная, Валентина стала листать журнал. Точно! Так же, как она (впрочем, как и все остальные девушки ее класса) подбривала под мышками, эти американки, англичанки или кто они там, брили у себя между ног. Некоторые, правда, оставляли на лобке узкую полоску шерсти, но непосредственно между ног все было голым. А может, все замужние женщины так поступают? Нет. Валентина помнила, как летом, когда у них в доме отключили горячую воду, она с матерью ходила в женскую баню. Женщины, девушки, девочки. Уродливые тела. Ничего отдаленно похожего ни на одну из этих шлюх...

И тут Валентина взглянула в глаза девушке на фотографии. Та сидела в кресле, широко разведя ноги, выставив напоказ свои бритые прелести. Но не бритая промежность заинтересовала Валентину. Необычная интимная подробность лишь послужила мостом, позволившим Валентине шагнуть чуть дальше. Ее заорожил взгляд фотомодели. Светлые волосы обрамляли красивое лицо. Яркие, зовущие губы женщины были чуть приоткрыты, обнажая очаровательные белые зубки. Такого белого цвета Валентина никогда не могла добиться, хоть и чистила зубы дважды в день, регулярно ела морковь и яблоки. Однако дело было не в цвете зубов. Дело было в глазах, во взгляде. Именно через глаза женщины, бесстыдно раздвинувшей ноги, втекло в Валентину неосознанное понимание этого Пути Искусства. Именно с помощью глаз, в уголках которых притаилась лукавая улыбка; глаз женщины, которая наслаждалась собственным бесстыдством и сексуально манила к себе, Искусство вошло в сердце Валентины.

Не отрывая взгляд, смотрела Валентина в глаза женщине на фотографии. И чем дольше Валентина смотрела, тем больше менялся ее взгляд. Ее глаза приобретали то же самое распутное и зовущее выражение, что было у женщины на фотографии. Чувствуя, как лицо из журнала отпечатывается в ее памяти, и не в силах выдержать напряжения, силы Искусства, втекающего в ее тело, трепеща каждым нервом, Валентина вскочила с кровати, отшвырнула в сторону журнал, метнулась к окну. Она прижалась лбом к ледяному стеклу и долго смотрела на тусклые, лишенные ярких красок улицы города, залитые мертвым электрическим светом. В тот вечер она сменила свою «веру», безмолвно присягнув иным идеалам.

Конечно, она и раньше видела яркие западные каталоги, по которым, живя за рубежом, можно было заказывать вещи, и без всякого там дефицита; видела несколько красиво снятых западных фильмов о том, как безуспешно борется с преступностью и коррупцией полиция. Но это все было не то. От тех каталогов и фильмов Валентине хотелось встать в строй и отправиться на борьбу, восстановить справедливость. Ведь она, как и большинство граждан Великой Страны, верила, что все беды из-за внешних врагов: мировой буржуазии, американских шпионов и предателей-вредителей, не желающих, чтобы мировому пролетариату жилось хорошо.

А этот взгляд! Не мог быть такой взгляд у девушки, угнетенной капиталом и ради денег продающей свое тело. Правда, к такому выводу Валентина пришла много позже. А тогда, отвернувшись от окна, она снова взяла в руки журнал и стала медленно листать его, разглядывая картинки, вглядываясь в глаза фотомоделей. Впитывая их взгляды. И зачем все эти разговоры об эмансипации, вся эта общественная работа, когда можно вот так, беззастенчиво демонстрируя свое тело, гордо и открыто смотреть в объектив камеры, в лица тысячам зрителей?

В тот вечер Валентина уснула очень поздно. Часы на кухне уже пробили два, когда она отложила журнал, закрыла папку, завязала тесемки и, сладко вздохнув, зевнула. А потом, как в бездонный омут, нырнула в сладкие глубины сна.

* * *

Что снилось ей в ту ночь? Может быть, она в полете духа посетила обитателей Колодца или побывала в другой обители Древних, которых через десять лет Клайв Баркер так метко назовет «Рожденными в Ночи»?

Наступило утро, и с ним пришли перемены.

Валентина проснулась вместе с родителями в шесть и несмотря на то, что спала меньше четырех часов, почувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Что изменилось в ней? Ничего, кроме взгляда – но за одну ночь из некрасивого, угловатого подростка она превратилась в девушку, которую нельзя не заметить. Может, чуть изменился угол наклона ее плеч, посадка головы; движения стали более плавными.

Родителям было не до нее. Работа выматывала их, сон не приносил облегчения. Мать уставала от домашних дел, хоть Валентина ей и помогала, как могла. А периодические запои отца окончательно издергали ее, растоптав и так слишком рано увядшую молодость, протянув седые пряди в ее темных волосах.

– Валечка, ты сегодня какая-то... – мать не нашла нужного слова.

Валентина, смерив ее взглядом (презрение к образу жизни матери пришло через несколько месяцев, когда Валентина окончательно освоилась со своим новым амплуа), чуть надменно ответила:

– Уж и довольной быть нельзя, – и прошествовала в ванную.

Мать хмыкнула, не понимая, что это с ее дочерью. Но задумываться времени не было. Новый генсек повсеместно боролся за дисциплину, и опаздывать на работу даже не несколько минут не стоило. Поэтому мать ничего не спросила у Валентины. А вечером нужно было зайти за картошкой, и еще в гастрономе в преддверии Дня Советской Армии давали копченую колбасу. Пришлось стоять длинную очередь в кассу. Еще пришлось поругаться с мужиком, который полез без очереди пробивать водку, а стал пробивать колбасу, которая к тому времени, как подошла очередь матери Валентины, уже заканчивалась. Отец Валентины в тот вечер пришел сильно поддавший, и дома был скандал. Мать даже не заметила, как карэ Валентины превратилось в модно-вызывающую стрижку «под мальчика». На парикмахерскую ушли все деньги, которые Валентина копила с начала учебного года, откладывая ежедневно по двадцать-тридцать копеек с денег на обед.

Мать заметила перемены в своей дочери, лишь через неделю, когда неожиданно Валентина превратилась из шатенки в блондинку, а потом, выкатив швейную машинку, начала перешивать свои вещи, делая их на размер меньше. Но матери нужно было варить обед, еще съездить к двоюродной сестре, жившей в другом конце города, муж которой достал рыбный заказ... К тому же мать Валентины знала, что ее дочь в бюро комсомола. И, положившись на товарищескую Валентины, на комсомол и здравомыслие дочери, она пустила дело на самотек, даже не подозревая, во что превращается ее дочь под постоянным и набирающим силу воздействием Искусства.

* * *

С комсомолом у Валентины получилось еще проще, чем с родителями. Галка – председатель бюро – подошла к Валентине на перемене и с неодобрением посмотрела на свою, как она считала, подругу, заметив:

– Что-то ты выглядишь очень вульгарно.

На что Валентина ответила, попытавшись говорить с интонацией, которой, по ее мнению, должна была в данной ситуации воспользоваться та дама из журнала:

– Тебе завидно? Парни не тискают?

Галка нахмурилась. В поведении Валентины сквозило что-то чужое, вульгарное, словно подругу подменили.

– Ты чего?

– Это я должна у тебя спросить: чего тебе нужно?

Галка взяла себя в руки.

– Знаешь ли, этот Коваленко, я вижу, очень плохо влияет на тебя.

– Может, ты мне еще станешь указывать, с кем встречаться? Или мы обсудим на комсомольском собрании, с кем мне в постель ложиться?

Тут Галка задохнулась от негодования и не нашла слов. Такие вольности вполне могли бы прозвучать из уст какой-нибудь двоечницы, крутящейся среди «трудных» парней, но услышать это от отличницы, гордости школы, чей портрет висел на доске почета у бюста Ленина!

– Оставайся сегодня после уроков. Соберется бюро для обсуждения линейки на двадцать третье февраля, – только и смогла выдать из себя Галка.

Валентина смерила ее все тем же презрительным взглядом и ответила:

– Зайду, если буду свободна... – и удалилась.

Галка ошалело смотрела ей вслед.

– Постой, может, ты заболела?

Но Валентина не оглянулась.

Даже походка Валентины изменилась.

После уроков Валентина демонстративно не пошла на бюро а, выйдя во двор, направилась к десятиклассникам, с независимым видом курящим за углом школы.

Словно королева подошла она к высокому и белокурому юноше, который, затагиваясь «Беломором», едва сдерживал кашель. Он курил только для того, чтобы не прослыть «слабаком» в глазах приятелей.

– Мне кажется, мы не знакомы, – с улыбкой сказала она.

– Чего? – у десятиклассника от удивления глаза округлились.

– Нет, я ошиблась. Ты еще слишком *зелен*, – и хлестнув полой шубки по сугробу, обдав курильщиков снежной пылью, Валентина удалилась, оставив с широко открытым ртом не только десятиклассника, но и Галку, наблюдавшую за ней из окна комсомольской комнаты. Галка, конечно, не слышала разговора. Подруги не раз болтали о том, что было бы неплохо встретить настоящего парня, но такое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.